

A romantic couple is shown in profile, about to kiss. The man is on the left, and the woman is on the right. They are in a close embrace. The background is a sunset over a body of water, with a small figure of a person in the distance. The overall mood is romantic and intimate.

Некоторые
тайны ломают
сердца не
в момент
правды,
а в годы
молчания.

Цена НАШЕГО МОЛЧАНИЯ

СОДЕРЖИТ
НЕЦЕНЗУРНУЮ
БРАНЬ

ДЖУЛИЯ ШЕС

18+

Джулия Шес

Цена нашего молчания

<https://litres.ru/73832481>

SelfPub; 2026

Аннотация

Я была обычной девчонкой. Учёба, попытки стать самостоятельной, редкие вечеринки и мечты о жизни больше, чем эта маленькая деревня. Пока однажды всё не изменил он — лучший друг моего брата. Человек, которого я знала почти всю жизнь и в которого влюбилась слишком сильно.

Но у любви есть тёмная сторона. Недоверие, ревность и чужая ложь встают между ними стеной. Один невыносимый вечер рушит всё, что мы строили. Он уезжает навсегда, не зная, что я остаюсь одна — с разбитым сердцем и маленькой тайной, изменившей всю мою жизнь.

Спустя годы Марк возвращается в место, где мы когда-то были счастливы. И вместе с ним возвращается всё, что должно было остаться похороненным: чувства, боль, молчание и правда, которую никто из нас так и не выдержал.

И тогда остаётся лишь один вопрос: чья версия реальности раздавит нас первой и что останется от нас двоих после того, как правда наконец будет сказана.

Содержание

Глава 1	4
Глава 2	33
Глава 3	42
Глава 4	56
Глава 5	69
Глава 6	78
Глава 7	92
Глава 8	105
Глава 9	122
Конец ознакомительного фрагмента.	126

Джулия Шес

Цена нашего молчания

Глава 1

— Доброе утро, моя карамелька, — слышу мамин шёпот сквозь сон. Он доносится будто издалека, тёплый и привычный, такой, от которого не хочется просыпаться.

Мама нежно поглаживает меня по руке и целует в лоб, прежде чем я успеваю открыть глаза.

— Завтрак на столе, мы с папой за покупками, не теряй, — говорит она, раскрывая плотные шторы, и выходит из комнаты.

Солнечный свет тут же заполняет мою небольшую комнату и слепит в чуть приоткрытые глаза. Я недовольно морщусь и на секунду жалею, что нельзя просто перевернуться на другой бок и снова уснуть — как раньше, когда никуда не нужно было спешить.

Из приоткрытой двери тянется аромат моего любимого завтрака, и, учуяв его, желудок предательски урчит. Я улыбаюсь сама себе, понимая, что сопротивляться этому утру всё равно бесполезно.

Запустив ноги в мягкие тапочки, я потягиваюсь и, всё ещё зевая, бегу приводить себя в порядок, пока никто не успел

занять ванную комнату.

На кухне меня встречает накрытый стол с аппетитными сырниками, блинчиками и множеством баночек варенья. Тёплый, сладковатый аромат доносится до меня ещё с порога — и я вдруг понимаю, как безумно скучала по маминой еде.

Ворую один блинчик, пока наливаю свежезаваренный чай и первый же укус возвращает меня в детство. Устраиваюсь за столом, занимая своё любимое место у окна с видом на соседский дом. Я всегда занимала это место — сначала маленькой, болтая ногами, потом подростком, уткнувшись в телефон, а теперь уже взрослой девушкой.

Уехав в город, я и представить не могла, что буду так скучать по своей комнате. По мятным стенам, по большой кровати, по туалетному столику, за которым когда-то собиралась на дискотеки, уверенная, что взрослая жизнь уже началась.

Я не думала, что буду скучать по деревне, из которой так отчаянно торопилась сбежать за «настоящей» жизнью. И уж точно не ожидала, что так безумно буду скучать по раннему утру, по каким-то привычным бытовым вещам, по Джесси — нашей любимой собаке, которая со всех лап несётся ко мне из родительской комнаты, будто и не было этих долгих месяцев разлуки.

Дома меня не было уже почти полгода. Учёба, подработка — всё время находились причины не приезжать, будто жизнь в городе нарочно проверяла меня на прочность.

Сначала была подготовка к экзаменам, потом сами экзамены, а по вечерам я почти без передышки бежала в кафе возле университета — переодевалась в форму, завязывала фартук и на несколько часов становилась официанткой, ловко лавируя между столиками и чужими разговорами.

Родители, конечно, были против моей работы. Говорили, что сначала нужно закончить хотя бы первый курс, привыкнуть к университету, к новым правилам и порядкам. Я их понимала. Правда. И послушала — первые полгода жила только учёбой. А потом Алик сказал, что собирается жениться, и что-то внутри меня встало на место. Я вдруг ясно поняла: как бы уютно ни было рядом с братом, долго так жить не получится.

Я знала, что он меня не выгонит. Знала, что комната в квартире, доставшейся нам от тётки, всегда будет за мной. Но у него скоро будет своя семья, а мне совсем не хотелось становиться лишней. Он и так из-за меня почти не приводил домой друзей, кроме своей девушки.

И, наверное, именно тогда я решила, что пора становиться по-настоящему взрослой. Даже если для этого придётся начинать с малого — с подработки, усталости и первых собственных денег.

— Доброе утро, сестрёнка, — заглядывая на кухню, сообщает о своём пробуждении Алик.

Из-за его спины тут же выглядывает Леся и тоже желает мне доброго утра, улыбаясь ещё сонно и по-домашнему.

Услышав голос брата, Джесси мгновенно отпрыгивает от меня и несётся в другой конец кухни, сбивая Алика с ног.

Мы с Лесей смеёмся в два голоса. Перед нами — взрослый, атлетически сложенный фитнес-тренер, человек силы и дисциплины, — и сейчас он выглядит беспомощным и слюнявым, безоговорочно проигравшим собаке.

— Кажется, тебе сегодня можно не умыться, — подшучиваю я над братом и, схватив влажные салфетки, машинально вытираю собственное обслюнявленное лицо.

— Только если он не хочет целоваться с собакой весь оставшийся день, — с тихой усмешкой замечает Леся, прежде чем занять место напротив меня.

— Так и быть, я спасаю тебя от этого самого милого на свете монстра, — обращаюсь я к Алику. — А ты взамен моешь посуду, — выгибаю бровь, ставя условия, и закидываю в рот кусочек сырника.

— Я готов перемыть всю посуду, если ты как можно быстрее снимешь её с меня, — умоляюще отвечает он, безуспешно пытаясь увернуться от навязчивых поцелуев Джесси.

Мы все очень любим Джесси, и Алик в том числе, но иногда она бывает самой настоящей прилипалой.

— Джесси, пойдём гулять, — перешагивая через развалившегося брата, зову я собаку и, проходя мимо комода, подхватываю её ошейник.

Как истинная деревенская модница, я выхожу во двор в розовых пижамных штанах с мишками и чёрной толстовке,

которую успела накинуть перед выходом. Тапочки меняю на розовые кроксы и собираю волосы в небрежный пучок, перехватив их первой попавшейся резинкой. Здесь можно — никто не смотрит, никто не оценивает.

Жмурясь от яркого солнца, я оглядываюсь по сторонам и вдруг понимаю, что за время моего отсутствия совсем ничего не изменилось. Всё тот же одноэтажный дом из красного кирпича, небольшая веранда со столом и деревянными стульями, а в конце участка — баня и мангальная зона. Вдоль дорожек мама, как обычно, посадила цветы и кустарники. Они разрослись, стали пышнее.

Вчера вечером я так и не смогла толком рассмотреть участок. Алик привёз нас поздно, было уже темно, и мы почти сразу легли спать. И только сейчас я понимаю, что на своём месте и как сильно мне этого всего не хватало.

Я нацепляю Джесси ошейник, выпускаю её за калитку и иду рядом, медленно прогуливаясь по аллее. Вдыхаю свежий воздух полной грудью и погружённая в свои мысли, я вдруг слышу за спиной рёв мотора. Оборачиваюсь вполоборота и вижу приближающееся шикарное авто со знакомыми номерами — три шестёрки, которые сложно было не запомнить. Машины у него менялись, но номера оставались прежними.

Чёрная Audi A6 делает разворот и уверенно паркуется у соседнего двухэтажного дома. Водитель не спешит: глушит двигатель, выключает едва слышную музыку и только потом открывает дверь с наглухо тонированными стёклами.

Сначала появляется одна нога в белом брендовом кроссовке, затем вторая. А следом из машины выбирается высокий брюнет — с аккуратно подстриженными волосами, лёгкой щетиной и атлетическим телом. Слишком знакомым, чтобы спутать.

Я ловлю себя на том, что стою неподвижно, будто мне дали лишнюю секунду на то, чтобы принять эту встречу.

Краем глаза замечаю, как соседка Лизка из дома напротив, почти вывалившись из окна второго этажа, не сводит взгляда с виновника возникшего шума и, судя по выражению лица, будущего виновника всех мокрых трусиков в округе — наш сосед и лучший друг моего брата.

Алик и Марк дружат чуть ли не с пелёнок, хоть он и не жил здесь постоянно. В деревне у него бабушка с дедушкой — у них он оставался на все каникулы и праздники.

Я с мальчишками особо не водилась — всё-таки я младше на семь лет, у них были свои интересы. Но когда Марк приходил к нам в гости, они всегда звали меня с собой и никогда не обижали.

Мне было лет четырнадцать, когда я влюбилась в Марка. По-настоящему, с размахом и ощущением, будто это навсегда. Впрочем, я быстро поняла, что в этом чувстве совсем не оригинальна — в него были влюблены почти все девчонки вокруг. Мы перешёптывались, хихикали, строили глупые, наивные фантазии и обсуждали то, о чём тогда ещё толком ничего не знали. Подростковый возраст — он такой, гормо-

нальный и беспощадный к здравому смыслу.

Ну как тут было не влюбиться. Марк будто сошёл с красивой картинки: уверенный, солидный, уже не мальчишка, но ещё с лёгкой улыбкой в глазах. Родители, подарили ему первую машину — не какую-нибудь развалюху, а хорошую BMW, которая в наших местах выглядела почти инопланетно.

И при всём этом он никогда не делал из денег или статуса повода для гордости. Не зазнавался, не мерился возможностями, не смотрел на других сверху вниз. Марк оставался простым, легко сходился с людьми и умудрялся быть «своим», даже когда явно выделялся.

За рулём дорогой машины, в хорошей одежде, с лицом, которое притягивало взгляды само по себе, он неизбежно сводил девчонок с ума. В деревне, где выбор был, мягко говоря, невелик, этого хватало с головой. И я была среди них. Но это было тогда.

Со временем влюблённость сошла на нет — тихо, без драмы и разбитого сердца. Я просто выросла, занялась своей жизнью и научилась отличать фантазии от реальности. Марк остался частью моего детства, тёплого и немного наивного. Не больше. И всё же, стоя напротив Марка, я вдруг ловлю себя на том, что смотрю на него чуть дольше, чем нужно. Отмечаю какие-то детали — как он двигается, как держится, как ведет себя. Раньше я бы не обратила на это внимания, но сейчас это почему-то притягивает.

Я тут же отмахиваюсь от этих мыслей в тот момент, когда Марк снимает тёмные очки и небрежно бросает их на водительское сиденье. Его взгляд почти сразу находит мой.

— Эмилия, — обнажая белоснежную улыбку, с лёгким удивлением произносит он моё имя. — Ты тоже здесь?

Увидев его, я вдруг понимаю, что скучала по Марку. Не по мужчине, не по образу — по нему самому. По тем временам, когда мы легко ладили, вместе дразнили брата, ходили на речку, делились конфетами и секретами. Он был неотъемлемой частью моего детства, и это ощущение никуда не делось.

— Привет, рада тебя видеть, — растягиваю губы в улыбке и иду ему навстречу.

— Давно не виделись, — Марк обходит машину и разводит руки в стороны. — Дай хоть обниму тебя.

Я делаю шаг вперёд, но не успеваю и моргнуть, как Джесси, радостно виляя хвостом, срывается с места и первой влетает в его объятия. Марк смеётся, наклоняется к ней и обнимает, позволяя собаке с энтузиазмом облизывать себе щёки.

— Вот это встреча, — усмехается он, трепля Джесси за уши. — Сразу видно, кто тут главный.

Я смеюсь и только потом обнимаю Марка — быстро, легко, без лишней неловкости. Джесси крутится, между нами, путаясь под ногами и окончательно превращая объятия в тёплый, почти детский хаос.

От него пахнет табаком, апельсинами и ещё чем-то — очень приятным, но неуловимым. Я на миг прижимаюсь щекой к его груди, едва доставая макушкой до подбородка. В этом жесте нет ничего нового, но почему-то мне приятно осознавать, что для него я всё ещё та девчонка из детства, а не кто-то чужой.

— Ты почти не изменилась, — говорит он у самого уха. — Даже голос остался прежним.

Мы уже года четыре толком не виделись — целая жизнь по ощущениям, за которую я из подростка успела стать взрослой девушкой.

— Ты тоже не изменился, — задираю голову и смотрю на него. — Хотя, кажется, чутка подкачался?

— Чутка? — он усмехается. — Твой брат бы сейчас сильно обиделся.

— Ладно, ладно, признаю, братишка хорошо тебя поднатаскал, — делаю вид, будто сдаюсь, и тут же иду в атаку. — Даже, наверное, гардероб с XXS на XS пришлось менять. Если хочешь, могу поделиться своими шмотками — тебе бы что-нибудь розовое с зайчиками точно подошло.

Брови Марка удивлённо взлетают вверх, а потом он тихо смеётся.

— Ну надо же, — тянет он, прищуриваясь. — У маленькой Эми не только рост прибавился, но и язык стал поострее.

Он облакачивается на машину, достаёт из кармана сигареты и зажигалку, явно забавляясь происходящим. Но тут же

на мгновение отвлекается, потому что права от нас раздаётся скрип старой калитки — резкий, неприятный звук, который будто нарочно возникает в нашем разговоре.

Я машинально оборачиваюсь и сразу понимаю причину. Из-за калитки выходит Лиза. Та, что ещё недавно не сводила глаз с Марка из окна дома напротив. Она успела нарядиться в красное платье с выпускного и даже надела туфли на каблуке. Всё это смотрится неуместно на фоне кукарекающих петухов и пыльной дороги. Но это Лиза, она всегда была немного со странностями. Поэтому мне совершенно не хочется стоять здесь втроём и делать вид, что мне приятна её компания.

— Я, пожалуй, пойду, — говорю, кивая в сторону калитки. — Не хочу мешать.

Увидев её, Марк запрокидывает голову и на секунду прикрывает глаза, будто собираясь с терпением. Когда он снова смотрит вперёд, в его карих глазах читается всё что угодно, только не радость.

— Только её не хватало, — подтверждает мои догадки, тяжело выдыхая облако дыма.

Он делает ещё одну затяжку, затем наклоняется и свободной рукой гладит Джесси по голове, словно прощаясь.

— Алик сказал, что вечером будут какие-то посиделки. Так что ещё увидимся.

— До вечера, — улыбаюсь ему одними уголками губ, забираю собаку и разворачиваюсь, оставляя Марка с Лизой на-

едине.

Я смотрю в окно, допивая чай, и почему-то мысль о том, что Марк снова здесь, неожиданно цепляется и не спешит отпустить. Но я тут же отмахиваюсь. Всего лишь встреча с соседом. С другом брата. Ничего больше.

К вечеру деревня меняется. Солнце скользит к горизонту, золотя крыши и верхушки деревьев. Жара отступает, оставляя после себя густой, тёплый воздух. Где-то вдалеке раздаётся собачий лай, на соседнем участке звякает посуда, и над дорогой медленно поднимается вечерняя дымка.

Я помогаю маме накрывать на стол во дворе. Достāju тарелки, раскладываю салфетки, машинально поправляю скатерть, хотя она и так лежит ровно.

— Не переживай так, — улыбается мама, перехватывая мой взгляд. — Это же не приём у губернатора.

— Я и не переживаю, — фыркаю я, но всё равно поправляю ложки, чтобы лежали параллельно.

На самом деле — немного переживаю. Не из-за гостей, не из-за еды. Просто вдруг остро осознаю, как всё меняется. Как привычные вещи незаметно становятся другими. Алик больше не просто мой старший брат, который таскал меня за собой на речку и ругался, когда я путалась под ногами. Он взрослый почти женатый мужчина.

Я смотрю на него со стороны — как он разговаривает с отцом, как что-то объясняет Лесе, как проверяет мангал и бросает короткие взгляды на нас с мамой, будто заранее отвеча-

ет за всё, что здесь происходит. И вдруг понимаю, что это, возможно один из редких вечеров, когда мы собираемся все вместе. Скоро у него будет своя семья, свой дом, свои заботы. А у меня — своя жизнь, которую я только учусь строить.

— Карамелька, осторожнее, — мягко говорит мама. — Разобьёшь.

Я вздрагиваю и тут же ставлю тарелку на стол, только сейчас осознавая, что держу её слишком крепко.

«Карамелька» — так она называла меня с детства. Говорила, что я всегда была слишком мягкой, слишком чувствительной, будто всё пропускаю через себя и таю от любого доброго слова. Прозвище прижилось. Я никогда не возражала. Если честно, я бы хотела, чтобы оно всегда символизировало меня. Чтобы я и правда таяла от тепла, а не плавилась от разочарований.

— Прости, задумалась, — пожимаю плечами.

Ближе к семи вечера мы все собрались за столом. Во дворе сталолюдно и по-домашнему шумно — пришли близкие, те, с кем хотелось разделить эту новость.

— Что ж, дорогие родители и гости, — начинает Алик, поднимаясь и держа в руке бокал вина. — Мы не просто так приехали. Я хочу сообщить радостную новость.

Он делает паузу, явно наслаждаясь моментом.

— Мы с Лесей решили пожениться. Я сделал ей предложение, и она, конечно же, не смогла мне отказать, — игриво стреляет глазами в Лесю брат.

Будто у неё был выбор. Как вообще можно отказаться от такого человека, как мой брат — доброго, заботливого и до смешного уверенного в себе.

Леся ничуть не хуже Алика. Отзывчивая, искренняя, всегда учивая с родителями и внимательная ко мне. Брат в ней души не чаёт, и это чувство явно взаимно — достаточно просто посмотреть на них вместе.

Новость о помолвке всех обрадовала. Мама растрогалась до слёз и тут же бросилась обнимать жениха с невестой. Папа с дедушкой Марка подняли рюмки за здоровье молодых. Гости ещё немного посидели, а потом начали расходиться — кто раньше, кто позже, оставляя после себя шум, смех и добрые пожелания. Родители тоже довольно быстро разошлись по комнатам и почти сразу уснули. А мы — я, Леся, Алик и Марк — решили не заканчивать вечер так рано. После десяти в деревне обычно стоит полная тишина, и, чтобы никому не мешать, мы направились к реке — туда, где ночь ощущается иначе и разговоры звучат душевнее и честнее.

С детства у нас здесь есть обустроенное место: лавочки вокруг костра, небольшой столик, пирс для рыбалки и даже домик на дереве. Днём здесь носится малышня, а по вечерам собираются подростки и устраивают свои тихие деревенские тусовки. Но сейчас время близилось к полуночи, и место было пустым.

Когда мы пришли, парни быстро разожгли небольшой костёр, достали пиво из переносного холодильника и даже про-

тянули мне одну бутылочку. Хоть мне уже исполнилось восемнадцать, брат не слишком одобряет алкоголь, считая, что я всё ещё недостаточно взрослая для таких вещей.

Вот уже как час мы сидим у костра, болтая о разной ерунде из прошлого. Вспоминаем, как нам здесь жилось, рассказываем Лесе истории, которые когда-то казались целым приключением. Как девчонки бегали за Аликом и Марком, а они делали вид, что их это ужасно раздражает, хотя на самом деле им явно льстило внимание.

Леся удобно устраивается, закинув ноги на брата, и спустя какое-то время тихо спрашивает:

— Алик, можешь сходить со мной домой? Мне нужно в туалет.

— Да тут же никого нет, — лениво отзывается он. — Сходи рядом.

— Я не могу, — она чуть наклоняет голову и понижает голос. — У меня это... ну ты сам понимаешь. И одной идти мне уже страшно.

Она смотрит на него снизу вверх, явно не оставляя ему шансов на отказ.

— Ладно, идём, — вздыхает Алик и сразу поднимается.

Они уходят, держась за руки, растворяясь в темноте тропинки. Костёр потрескивает чуть громче, и вдруг становится заметно тише.

Оставшись наедине с Марком, я на мгновение впадаю в ступор, не зная, о чём с ним говорить. Он тоже не спешит на-

рушать тишину — медленно выдыхает кольца дыма и смотрит в огонь, будто костёр интересует его куда больше, чем всё остальное вокруг. Треск поленьев заполняет паузу, делая её ещё ощутимее.

Мне становится неловко. Мы не чужие, но и сказать нечего. В прошлом мы были детьми — и как-то глупо ворошить то, что осталось там. А о настоящем я ничего не знаю, да и не привыкла начинать разговор первой.

Чтобы не оставаться в этом молчании, я поднимаюсь с лавочки и иду к пирсу. Снимаю кроссовки вместе с носками, подворачиваю спортивные штаны и усаживаюсь на край, опуская ноги в воду. Она тёплая, почти как парное молоко, такой я её ещё никогда не чувствовала.

Поднимаю голову и смотрю в небо — усыпанное тысячами звёзд, каждая из которых мерцает по-своему. В деревне оно всегда красивое, но сегодня будто особенно. Большая яркая луна заливает всё вокруг мягким светом, на небе нет ни единого облачка, и кажется, что мы сидим под огромным искрящимся куполом.

— Купалась когда-нибудь ночью? — внезапно раздаётся за спиной голос Марка.

Я поворачиваю голову, чтобы ответить, и замираю. На Марке больше нет футболки.

Ответ на вопрос забывается где-то на пол пути, я словно на секунду выпадаю из реальности. Слишком неожиданно. Слишком близко. Я не сразу понимаю, что довольно долго

пляюсь на него — с приоткрытыми губами, забыв, что вообще собиралась говорить.

Молния расстёгивается под его пальцами без малейшего колебания. Он снимает обувь, стягивает джинсы, даже не глядя на меня. Он стоит передо мной в чёрных боксерах, совершенно невозмутимый, словно раздеваться при мне для него нечто привычное и естественное.

Я же мгновенно отвожу глаза, чувствуя, как щёки начинают предательски гореть. Сердце почему-то бьётся быстрее, чем должно, и я злюсь на себя за эту внезапную растерянность. Он просто собирается купаться. Ничего больше. Всё это только, потому что, раньше я никогда не видела его таким. И, кажется, мой организм решил, что это событие.

Утром я сильно погорячилась, пошутив про размер XS. Тут и близко не пахло никаким XS — скорее уж уверенный XL. Его тело было проработано до мелочей: чёткие линии, напряжённые мышцы, скрытая мощь в каждом движении. Смотреть на это — верный способ потерять способность соображать.

Внезапно приходит понимание: школьного курса анатомии мне отчаянно не хватило. И сейчас, в самое неподходящее время, организм требует восполнить пробелы. Желательно очень быстро. Я тут же одёргиваю себя, чувствуя, как невыносимо становится жарко, и снова упрямо смотрю на воду, делая вид, что ничего особенного не происходит.

— Эми?

Голос Марка возвращает меня в реальность. Я вспоминаю, что он вообще-то задал мне вопрос, и, судорожно собрав мысли в кучу, всё-таки отвечаю:

— Нет... — тут же запинаясь. — То есть да. Конечно.

Слова путаются, язык живёт своей жизнью.

— Обожаю купаться ночью, — выдаю я с такой уверенностью, будто делаю это каждый день.

И тут же натягиваю нервную улыбку, надеясь, что она скроет мою растерянность.

Зачем я вообще это сказала? Я же даже по ночам не гуляю, не то, что купаюсь. Чтобы что? Выглядеть крутой? Взрослой? Или просто потому, что в этот момент рядом с Марком мозг решил уйти в отпуск?

Я мысленно закатываю глаза и злюсь на себя за эту нелепую браваду. Что вообще происходит у меня в голове? Почему я так странно реагирую на Марка? Неужели одна бутылка пива могла так подействовать? Да, он красивый. Да, привлекательный. Но это ещё ничего не значит. Меня он не интересует — по крайней мере, так я себя убеждаю.

Марк, будто не придавая значения моим сбивчивым словам, подходит к краю пирса. И мои глаза, вопреки здравому смыслу, следуют за ним сами. Теперь я вижу не кубики прессы, а широкую спину и офигенную зад... Нет, стоп. Говорю себе «хватит» и резко отвожу взгляд, мысленно ругая себя за то, что вообще обратила внимание. Как вдруг, Марк, резко прыгает в воду, а я наконец выдыхаю — словно вместе с

воздухом отпускаю странное напряжение, повисшее, между нами. Но ровно до тех пор, пока меня не накрывает дождём из брызг.

Холодные капли попадают на лицо, волосы, футболку. Я морщусь и машинально тяну край сухой ткани к щеке, вытирая воду. Вот и прекрасно. Просто отлично.

Кто вообще так заходит в воду? Почему нельзя было сделать это нормально, без эффектных прыжков и фонтана на мою голову? Хотя... если честно, это меня немного остудило. Но всё равно неприятно быть мокрой с ног до головы. Теперь остаётся только злиться — и на него, и на себя за собственную рассеянность.

— Теперь твоя очередь, ты все равно уже намочила.

Я поднимаю взгляд. Марк стоит в воде, довольный как слон, и откровенно пялится. Ну надо же — взрослый человек, а радуется как пацан, когда девчонку обрызгал.

— А тебе, я смотрю, очень весело, — процеживаю я и, не скрывая раздражения, направляюсь к костру. Нужно немного обсохнуть и заодно прийти в себя.

— Не переживай, мишки на футболке теперь мокрые, но счастливые, — кидает он мне вслед, и я закатываю глаза. Ну, конечно. Теперь мы квиты.

Значит, он сделал это специально. И даже не пытается скрыть. Прекрасно.

Несправедливость поднимается из груди горячей волной — хочется не ворчать, а действовать. Но что я могу? Утром

мои шутки задели разве что его самолюбие, да и то не факт. А я теперь мокрая с ног до головы, одежда прилипла к телу, настроение испорчено. И зачем только я надела эту футболку? Зачем напомнила ему про этих дурацких мишек?

— Ну давай же, — снова подаёт голос Марк. — Составь компанию. Вода просто чудесная.

Он явно наслаждается моментом. Стоит там, в воде, уверенный, довольный, будто всё идёт ровно так, как он и задумал.

— Как мило, — бросаю я, глядя куда угодно, только не на него. — Только вот купальник я забыла. Такая досада.

— Не смейся, — Марк даже не скрывает усмешки. — Лезь в футболке. Я отвернусь, если стесняешься.

Я отворачиваюсь к костру и делаю вид, что меня происходящее совершенно не касается. Пусть купается сколько хочет — мне и на берегу прекрасно. Хотя, если быть честной хотя бы с собой, вода дико манит. Но нет. Не сейчас и тем более, не после его выходки.

— Эми, — предупреждающе тянет он, и по интонации я понимаю: он уже решил. — Я сейчас выйду и закину тебя сам. Считаю до трёх.

— Даже не думай, — резко отвечаю.

— Раз.

Внутри две силы тянут в разные стороны: упрямство, которое шепчет «не сдавайся», и что-то другое, похожее на усталость от этой дурацкой войны.

— Два.

Его голос спокойный, даже ленивый, но в нём железная уверенность. Я представляю, как он сейчас выйдет из воды — мокрый, решительный, не оставляющий мне выбора. И от этой картины снова становится жарко.

— Два с половиной, — добавляет он насмешливо, и я понимаю: он знает, что я сдамся.

— Три, — произносит он уже твёрже, и я слышу шум воды — он делает шаг к берегу.

— Да иду я, иду! — кричу я, сама от себя не ожидая.

Снимаю штаны, складываю их на лавку и остаюсь в широкой розовой футболке. Ночная прохлада сразу пробирается под ткань, и мне становится немного не по себе — не от холода, а от его взгляда. Иду к воде медленно, но уже без надежды на побег. Потому что, если уж выбирать между позором добровольного захода и позором быть закинутой на плечо как мешок картошки... лучше уж так. Подхожу к воде и осторожно погружаю ноги по щиколотку.

— И долго ты так будешь? — Марк прищуривается, стоя по пояс в воде. — До рассвета?

— А что, есть разница? — я скрещиваю руки на груди и делаю вид, что меня совершенно не тянет в эту воду.

— Разница в том, что вода теплее воздуха. И ты замёрзнешь быстрее, чем дойдешь хотя бы до середины.

— А может я закаляюсь? Между прочим, полезно для здоровья.

— Можешь закаляться, но у меня есть способ согреть тебя гораздо быстрее.

Он идёт ко мне медленно, но уверенно, как будто у меня уже нет другого выхода.

— Не подходи, — предупреждаю я, но голос звучит жалко, почти беспомощно.

— Или что? — он почти смеётся, и в его глазах пляшут искры. — Убежишь в лес? Позовёшь на помощь? Кричать придётся долго, тебя никто не услышит. Здесь только мы.

Я открываю рот, но не успеваю придумать ответ. Он оказывается рядом в одно мгновение, его руки ложатся мне на талию, и земля уходит из-под ног.

— Марк! — только и успеваю крикнуть.

— Поздно кричать, — шепчет он мне в ухо, и его дыхание щекочет кожу. — Трусиха.

Он не даёт мне опомниться. С лёгкостью закидывает на руки и прижимает к себе — так, что я слышу, как бьётся его сердце где-то у моего виска. Я вскрикиваю, вцепляюсь в его плечи, зажмуриваюсь. Ветер свистит в ушах, мир переворачивается. Он отталкивается от пирса — и земля уходит из-под ног. Мы летим. Я даже не успеваю закричать снова, прежде чем нас накрывает тёплая тёмная вода.

На секунду я теряюсь, перестаю понимать, где верх, где низ, и страх берёт верх. Я вцепляюсь в Марка изо всех сил, почти рефлекторно — прижимаюсь к нему, обвиваю ногами его талию, будто он единственное, что удерживает меня от

паники.

Он реагирует сразу. Чувствую, как его рука крепко подерживает меня, и в следующее мгновение уже тянет нас вверх. Я вырываюсь на поверхность с кашлем и всхлипом, хватая ртом воздух. Вода заливает глаза, я ничего не вижу, только тёмные силуэты. Сердце колотится где-то в горле, ноги не находят дна, и я снова вцепляюсь в Марка, как утопающий в спасательный круг.

— Тихе, тихе, — его голос звучит прямо у моего уха, — Здесь по пояс, не бойся. Опустит ноги.

— Я не чувствую дна! — выкрикиваю я панически, брыкаясь.

— Потому что ты висишь на мне и болтаешь ногами. Отпусти меня хотя бы на секунду.

— Не могу!

Он вздыхает — я чувствую это по движению его груди. Потом его рука скользит по моей спине, придерживает, и он мягко, но настойчиво опускает меня вниз. Мои ступни наконец касаются чего-то твёрдого — песчаного дна. Вода доходит мне до груди. Он всё ещё слишком близко. Его рука невольно удерживает меня за талию, и от этого становится только сложнее собраться.

— В следующий раз, когда захочешь меня утопить, — цежу я, — предупреждай. Хотя бы за секунду.

— Ты сама вцепилась в меня, как клещ, — он смеётся, и его смех звучит совсем рядом. — Я даже не успел нырнуть

нормально.

— Потому что я думала, что мы тонем!

— Мы прыгнули с пирса, Эми. Не с Эвереста. Глубина — метра два.

Я замираю, осознавая, насколько глупо прозвучала моя паника. И от этого становится ещё обиднее.

— Заткнись, — бормочу я.

— Просто скажи честно, — добавляет он с едва заметной усмешкой, глядя прямо на меня, — адреналин ведь был.

В детстве я сотни раз прыгала в воду — с пристани, с тарзанки, с ивы, что нависала над рекой. Но то, что произошло сейчас, было совсем другим. Эта резкость, эта внезапность будто взорвали меня изнутри. Тело всё ещё слегка дрожит, хотя дыхание уже почти выровнялось. И сколько бы я ни пыталась себя убедить, отрицать бессмысленно — мне понравилось. Чёрт возьми, я бы даже повторила.

— Вы вообще с головой дружите?! — орёт Алик, явно на эмоциях. — Ночью в реку лезть! В темноте! А если ты заболеешь, Эмилия? Или налетишь на что-нибудь? Ты иногда вообще думаешь?!

Я слишком увлеклась Марком, чтобы сразу заметить их возвращение. Вглядывалась в его лицо — в тёмные глаза, обрамлённые длинными ресницами, в чёткую линию бровей, в мокрые волосы, с которых медленно стекала вода. Каждая капля, казалось, падала в замедленной съемке: срывалась с темной пряди, на мгновение зависала в воздухе, вспыхивая

бликом, и разбивалась о его кожу, чтобы тут же исчезнуть в дорожке, бегущей вниз по шее. Следила за этим движением, забывая дышать. За тем, как вода огибает кадык, когда он сглатывает. Как теряется в ямочке над ключицей. Мир, будто сузился до этого момента. Но резкий, повышенный голос брата мгновенно выдернул меня обратно в реальность. Я вздрогнула и почти рефлекторно отплыла от Марка, увеличивая расстояние, между нами.

— Ой, перестань, — тут же начинает Леся, прижимаясь к брату и успокаивающе поглаживая по плечу. — Тепло же. Лето. Она не из сахара.

— Правда, — спокойно добавляет Марк, будто происходящее его совсем не напрягает. — Вода отличная. Залезай, сам убедишься.

Брат, ничего не сказав, с явным раздражением отмахивается и отворачивается к переносному холодильнику, доставая себе ещё пиво. Леся тут же тянется к нему, что-то тихо говорит ему на ухо и поглаживает по спине, будто сглаживая острые углы и уговаривая выдохнуть.

Я стою в воде и искренне не понимаю, что на него нашло. Весь вечер Алик был расслабленным, смеялся, подкалывал нас — и вдруг сорвался так резко, будто я сделала что-то по-настоящему страшное.

Иногда он слишком увлекается своей заботой. Будто вокруг меня постоянно скрывается опасность, а он единственный, кто обязан меня от неё уберечь. Я понимаю: для него я

всегда буду младшей сестрой, и обычно меня это даже умиляет. Но сегодня он перегнул. Не просто сделал замечание — он буквально поставил меня на место, жёстко и при всех. И почему-то от этого стало особенно неприятно.

Обида накрывает сразу же, и я понимаю: ещё немного — и слёзы всё-таки прорвутся. Этого я точно не хочу. Поэтому молча плыву к берегу, стараясь не думать о том, как глупо сейчас выгляжу.

Марк выходит из воды раньше меня. Я даже не успеваю сообразить, как он оказывается рядом и протягивает мне свою футболку.

— Надень, — говорит негромко. — Она сухая. Так Алик меньше будет заводиться.

Я медлю секунду, потом принимаю футболку.

— Спасибо.

Он прав. Сидеть в мокрой — значит добровольно отдаться на растерзание брату и снова ловить на себе его недовольный взгляд.

Я ухожу за кусты, быстро стягиваю мокрую футболку и вешаю её на ветку. Надеваю его и она оказывается удивительно удобной, просторной, пахнет дымом, ночным воздухом и его приятным парфюмом. Она на несколько размеров больше, почти как платье, но зато сухая. И почему-то в ней дышится легче.

Возвращаюсь к костру, сажусь рядом с ребятами, но разговор проходит мимо меня. Я почти не слушаю, отвечаю одно-

сложно, ловлю себя на том, что всё больше смотрю на огонь и роюсь в своих мыслях.

— Ладно, я, пожалуй, пойду, — говорю я, медленно поднимаясь с лавочки. — Завтра с утра маме надо помочь, так что лучше лечь пораньше.

Отмазка вылетает сама собой — лишь бы не оставаться здесь. Сидеть здесь с этой обидой на душе, совсем не хочется. Делаю шаг, другой, уже сворачиваю к тропинке, что ведёт к дому.

— Эми, подожди.

Я оборачиваюсь. Марк останавливается в шаге, смотрит на меня без привычной насмешки, а как-то... внимательно. Будто сканирует, насколько я на самом деле вымотана.

— Поздно уже, — говорит он негромко. — Я провожу.

Я могла бы отказаться. Сказать, что знаю дорогу, что Алик бы и сам проводил, если бы я попросила. Но почему-то не хочется и я быстро соглашаюсь.

Мы идём рядом, почти плечом к плечу. Тропинка узкая, лунный свет едва разгоняет темноту. Мы молчим, и тишину заполняет только стрекот кузнечиков.

— Ты слишком сурова к нему, — голос Марка звучит мягко, почти примирительно.

— К кому? — я делаю вид, что не понимаю.

— К Алику. Он же не со зла.

Я фыркаю, но он не даёт мне вставить слово.

— Он просто боится за тебя. Всю жизнь боится. Это у него

в крови — быть старшим, защищать, предугадывать опасность. Даже там, где её нет.

— Он вёл себя как... — начинаю я, но Марк меня перебивает.

— Как тот, кто однажды не уберёт себя и теперь с тобой перестраховывается на сто шагов вперёд. — Он останавливается, смотрит на меня. — Ты для него не взрослая девушка. Ты — та девчонка, которую он учил кататься на велосипеде и которую защищал от глупых мальчишек.

Я молчу. Потому что это правда. Однажды в детстве Алик провалился под лёд на речке в начале зимы — лёд был ещё тонкий, а ему захотелось доказать друзьям, что он смелый. Его вытащили, откачали, но теперь у него до сих пор есть страх воды.

— Он не хотел тебя задеть, — продолжает Марк, трогая меня за локоть. — Он просто увидел, как ты в темноте в воде, и у него в голове всё перемкнуло. У него в такие моменты включается режим «спасти любой ценой».

— Я знаю, — наконец выдыхаю я. — Просто иногда его забота душит.

— Это потому, что он тебя любит. Настоящей, неудобной любовью, которую невозможно не заметить и трудно принять.

Мы делаем несколько шагов в тишине. В голове постепенно проясняется, обида почти сходит на нет.

— Ты прав, спасибо, — говорю спустя пару секунд.

— Обращайся, — он пожимает плечами и на этом замолкает.

Дорога до дома заняла меньше времени, чем я думала. Или мне просто не хотелось, чтобы она заканчивалась? Возможно, я должна признать: мне было приятно идти с ним рядом и слушать его голос.

— Ну, я пошёл обратно, — говорит Марк, пряча руки в карманы.

— Да, — киваю я. — Спасибо, что проводил.

— Не за что, — он улыбается краешком губ. — Ты же знаешь, я не люблю, когда ты грустишь.

Я не знаю, что ответить. Он смотрит на меня несколько секунд, потом делает шаг назад.

— Ладно. Спокойной ночи. Завтра увидимся.

— Увидимся, — повторяю я.

Он разворачивается и уходит, не оборачиваясь. Шаги быстро растворяются в темноте — будто этого вечера и не было. Костёр, вода, резкие слова, странные эмоции. Всё осталось там, позади.

Я прокрадываюсь в дом. Внутри — тишина, нарушаемая только мерным тиканьем часов на кухне. Все уже спят. Я на цыпочках поднимаюсь по лестнице, стараясь не скрипеть ступеньками.

В комнате темно. Я не включаю свет — луна и так пробивается сквозь неплотно задёрнутые шторы. Стягиваю с себя его футболку, не глядя вешаю на спинку стула. Ложусь в по-

стель, кутаюсь в одеяло и долго смотрю в потолок.

Сегодня было слишком много всего — гнев, обиды, смех, неловкость. И почему-то именно разговор с Марком всплывает в голове снова и снова, хотя я упорно убеждаю себя, что в этом нет ничего особенного. Что всего лишь был вежлив и добр ко мне, потому что знает меня с детства.

С этими мыслями я наконец закрываю глаза, не замечая, как сон медленно накрывает меня, оставляя внутри тихое, ещё неоформленное ощущение, которому я пока не даю имени.

Глава 2

Утро в деревне всегда начинается одинаково — рано и настойчиво. Сквозь занавески пробивается солнце, где-то под окнами хлопает калитка, и петух, будто нарочно, решает напомнить о себе именно тогда, когда спать хочется сильнее всего.

Я переворачиваюсь на бок, медленно открываю глаза — и первым, что вижу, оказывается футболка Марка, аккуратно перекинута через спинку стула.

На секунду я просто лежу и смотрю на неё, не двигаясь. В памяти сразу вспыхивает: костёр, река, его голос, брызги, злость Алика, ночная дорога и это «спокойной ночи», после которого внутри осталось слишком много мыслей.

Я поднимаюсь с кровати, быстро переодеваюсь в первое, что выпало из шкафа, и снова, уже в который раз, кошусь на футболку Марка. Идти к нему сейчас и возвращать? Странно. Притворяться, что её нет? Ещё страннее. Я просто оставлю её на стуле — пусть лежит, постираю и потом верну.

Я спускаюсь вниз, ещё сонная, с растрёпанными волосами, надеясь украсть чашку кофе в тишине. Но не тут-то было. На кухне уже во всю кипит жизнь. Мама гремит посудой, папа смотрит новости, а Алик сидит за столом с кружкой кофе и выглядит... виновато. Я замечаю это сразу.

— Доброе утро, — говорю я нейтрально, усаживаясь на-

против.

— Утро, — бурчит Алик, уставившись в кружку.

Мы молчим секунд десять. Для нас это правда много. Мама бросает на нас быстрый взгляд и, переверачивая блин, замечает:

— Вы когда поругаться уже успели?

Мы с Аликом переглядываемся и оба неловко усмехаемся.

— Слушай... — он чешет затылок, отводит взгляд, потом возвращает. — Я вчера перегнул.

Я поднимаю на него глаза. Он редко извиняется — упёртый баран и обычно считает себя правым.

— Я не хотел на тебя орать, — голос у него глуше, чем обычно. — Просто... я испугался.

— Я понимаю, — киваю я, и правда понимаю. — Но мне восемнадцать, Алик. Иногда ты ведёшь себя так, будто мне всё ещё десять.

Он криво усмехается, проводит ладонью по лицу.

— Для меня ты всегда будешь мелкой, — признаётся честно. — Но да... надо привыкать, что ты уже выросла.

Это звучит почти как капитуляция.

— Мир? — он вытягивает мизинец через стол, и я не могу не улыбнуться.

— Мир, — отвечаю я, сцепляя свой мизинец с его.

Я выхожу во двор, когда солнце уже всюю греет спину. Воздух пахнет свежестью и первой зеленью. Я беру лейку,

поливаю грядки, помогаю маме — стараюсь занять себя делами, чтобы не думать о вчерашнем дне. Руки работают, но мысли упрямо возвращаются туда, куда не надо. Я то и дело поглядываю на соседский дом, сама не понимая зачем.

Внезапно завибрировал телефон в кармане шорт. Я достаю его и смотрю на экран. Алиса. Напарница. Я даже не сразу нажимаю на ответ. Почему-то кажется, что этот звонок не к добру. Алиса не из тех, кто звонит просто поболтать — если она набирает, значит что-то случилось. Обычно это означает срочную подмену.

У её сына лечение, которое нельзя откладывать, и в такие моменты весь график летит к чертям.

Я смотрю на имя на экране ещё пару секунд, надеясь, что она ошиблась номером. Но он не перестает вибрировать, и я всё же принимаю вызов.

— Эми, привет... — голос Алисы звучит устало и виновато одновременно. — Слушай, мне очень неловко, но мне снова нужно тебя попросить...

— У Вани снова процедуры, да? — спрашиваю негромко, опуская взгляд на землю под ногами.

— Да, — тяжело вздыхает она. — Его сегодня раньше забирают, и я совсем не успеваю. Я понимаю, что это выходной и что ты дома... если ты не можешь, я что-нибудь придумаю...

Она говорит быстро, словно заранее готовясь к отказу, и от этого внутри становится ещё тяжелее. Я могла бы сказать

«нет». Формально — могла. Но мы обе знаем, что тогда «что-нибудь придумаю» будет означать её беготню, нервы и чувство вины. Отказать матери с больным ребёнком — на такое моя совесть не пойдёт.

— Во сколько? — спрашиваю я, уже понимая, что согласилась.

— С двух до закрытия, — осторожно отвечает Алиса. — Эми, если тебе правда неудобно...

— Нет, — перебиваю я. — Я приеду, не переживай.

— Спасибо тебе. Правда. Я тебе должна.

— Потом разберёмся, — улыбаюсь я, хотя она этого не видит.

Мы прощаемся, и я убираю телефон обратно в карман. Внутри — странная смесь чувств. Лёгкое раздражение, усталость ещё до начала смены и тихое разочарование, направленное даже не на Алису, а на саму себя. Я ведь знала, что соглашусь. Всегда знаю.

Мне не хочется ехать в город, надевать рабочую форму, улыбаться посетителям и делать вид, что я безумно рада очередной внеплановой смене. Хочется остаться здесь — в этом утре, в этой тишине, где от меня не ждут ничего, кроме присутствия. Но жизнь не любит согласовывать планы.

Ставлю лейку на место и иду в дом, чтобы придумать план как добраться до работы. Я уже почти дошла до крыльца, когда внезапно появляется Алик.

— Ты куда собралась? — спрашивает он, щурясь от солн-

ца.

— В город, на работу — отвечаю без особого энтузиазма.

— Алису подменить надо.

Он хмурится, бросает взгляд на часы и тяжело вздыхает.

— Я не смогу тебя отвезти. У нас с Лесей после обеда дела, помнишь?

— Знаю, — киваю. — Я что-нибудь придумаю.

Эта фраза вылетает слишком легко, хотя внутри я уже перебираю варианты и понимаю, что «что-нибудь» — это либо редкий автобус, либо такси, которое съест половину смены.

Алик молчит пару секунд, явно обдумывая что-то своё.

— Слушай, Марк вроде как раз скоро собирался в город. Я тогда попрошу, чтобы он тебя подкинул.

— Было бы отлично, — отвечаю без раздумий.

Алик удивлённо приподнимает брови.

— Даже без «я сама»?

Я закатываю глаза и цокаю, изображая недовольство, но на самом деле скорее усталость от его вечной опеки.

— Ну... если он всё равно едет, какая разница. Хоть сэкономлю на такси.

— Отлично, — кивает брат. — Тогда собирайся. Я сейчас к нему зайду.

Он разворачивается и идёт к соседу, а я остаюсь на крыльце, смотреть вслед брату, пока он не скрывается за забором. Потом перевожу взгляд на дорогу — пустую, уходящую куда-то вдаль, за горизонт. И почему-то именно сейчас чётко

и ясно понимаю, что мне правда пора идти учиться на права. Собственная машина вдруг перестаёт быть абстрактным «когда-нибудь». Она становится планом.

Через пару минут, от брата приходит смс, что у меня есть пять минут на сборы. Влетаю в дом, на ходу расстёгивая шорты — они летят на стул. Натягиваю старые джинсы, кеды, в которых приехала, чёрную обтягивающую футболку. Волосы собираю в высокий хвост, пальцы сами справляются за пару движений. В зеркало даже не смотрю — некогда. Целую родителей на прощание и выбегаю.

Марк уже ждёт у машины, прислонившись к двери. В одной руке сигарета, в другой телефон — он лениво листает экран, будто убивая время. Услышав шаги, он поднимает голову и гасит сигарету ботинком.

— Готова?

— Угу, — киваю, открывая пассажирскую дверь. — Спасибо, что согласился.

— Да брось, — пожимая плечами, он заводит двигатель. — Мне всё равно по пути.

Мы выезжаем на дорогу. Деревня остаётся позади — родные до боли дома, покосившиеся заборы. Марк негромко включает приятную музыку, его взгляд устремлён вперёд, но я чувствую, как иногда посматривает на меня.

— Ну что, куда тебя везти? — Ну что, куда тебя везти? — Марк бросает взгляд в зеркало заднего вида, перестраиваясь на другую полосу.

— К кафе возле универа. Я покажу.

— Алик сказал, ты сегодня на подхвате?

— Ага. Сменщица позвонила, попросила выйти, у неё сын на лечении. Я не смогла отказать.

— Ты слишком добрая, — он косится на меня, чуть заметно качая головой.

— Это комплимент? — я прищуриваюсь, скрещивая руки на груди.

— Это констатация. Ты всегда такой была. Даже когда у тебя была последняя конфета, ты всегда ей делилась.

Я отворачиваюсь к окну и почти незаметно улыбаюсь. Мне приятно, что он видит меня такой. Пейзаж сменяется полями, потом лесом и наконец-то появляются многоэтажки.

— Как учёба? — спрашивает Марк, не поворачивая головы. — Всё закрыла?

— Да, но, честно говоря, далось непросто. Особенно когда параллельно работать начала.

— Я знал, что у тебя получится. Ты всегда со всем справлялась.

Потом, чуть помедлив, словно что-то вспомнив, чуть поворачивается ко мне и с улыбкой на губах добавляет:

— Помнишь, как мальчишки из соседней деревни отобрали у тебя куклу? Я тогда прибежал, потому что Алик был на тренировке. Велел отдать, а они не слушались. Мне пришлось стать страшным парнем из старших классов.

— Ты был обычным подростком и учился в седьмом классе, — смеюсь я. — Но всё же они поверили и испугались.

— А ты стояла за моей спиной и смотрела на меня такими глазами, будто я супергерой. Я потом ещё месяц чувствовал себя крутым парнем.

Я заливаюсь смехом, откидываясь на спинку сиденья. Улыбка расплывается по лицу, и я надеюсь, что этот день не принесёт ничего, что могло бы её стереть.

— Приехали, — Марк сбрасывает скорость, сворачивает к обочине.

Я киваю, отстёгиваю ремень и тянусь к ручке двери. И на секунду, поворачиваюсь к нему.

— Спасибо, что подвёз.

— Обращайся, — он чуть заметно улыбается, и в его глазах мелькает что-то тёплое, почти мальчишеское. — И, если вдруг снова придётся защищать тебя от мальчишек — я здесь.

Я выскальзываю из машины, делаю пару шагов и не удерживаюсь — оборачиваюсь. Марк уже достал сигарету, щёлкает зажигалкой, прикуривает. Краем глаза замечаю, что он смотрит на меня с лёгкой, загадочной улыбкой. Я смущённо отвожу взгляд, рассматривая свои кеды. Сделав затяжку, он выпускает клубок дыма и резко трогается с места, оставив меня со странным, чуть щемящим чувством приятного послевкусия.

Я разворачиваюсь и иду к кафе. Внутри многолюдно, пах-

нет кофе и выпечкой. Работа захватывает целиком, и только под конец смены замечаю, что весь день держалась на утренней улыбке. Даже большое количество посетителей не испортило настроение.

Пересчитываю чаевые, складывая купюры в аккуратную стопку. Выходит больше, чем ожидала. Если расчёты верны, накопленных денег хватит почти на два месяца аренды. Мысль об этом неожиданно согревает.

Похоже, пора перестать мечтать и начать искать квартиру. Своё место. Что-то новое — и, возможно, впервые по-настоящему только моё.

Глава 3

Я думала, для переезда понадобится полк грузчиков и полдня нервов. А вышло — четыре коробки у стены старой комнаты. Столько весит моя прошлая жизнь, если сложить её аккуратно.

— Ну что, готова? — спрашивает Алик, заглядывая в комнату и окидывая взглядом коробки. — Думал, будет больше.

— Я тоже. Но, видимо, я не такая уж и накопительница.

Он хмыкает, подходит ближе и берёт первую небольшую коробку.

— Не верится, — говорит тише. — Кажется, ещё вчера ты тут на полу с тетрадками сидела и ныла, что не хочешь делать домашку.

Я улыбаюсь, но на самом деле даже немного грустно прощаться с этим местом.

— Слушай, — начинает он не сразу, будто подбирая слова. — Ты же понимаешь, что ничего не меняется? Мой дом — твой дом. В любое время. Днём, ночью, хоть под утро. Без предупреждений, без объяснений. Для тебя всегда найдётся место.

Слова Алика немного успокаивают меня. Я ещё сама до конца не приняла тот факт, что буду впервые жить одна и не знаю справлюсь ли.

— Я знаю.

— Но не надейся, что я так быстро забуду про свой режим "наседки". — Подняв палец с наигранной серьезностью говорит он. — Я всё равно буду приглядывать. Даже если ты считаешь себя взрослой и самостоятельной.

— Даже если я буду делать вид, что мне это не нужно? — поддеваю я.

— Особенно тогда, — усмехается он, чуть склонив голову. — Ты же моя малышка. От этого не убежишь.

— Надеюсь, когда я превращусь в дряхлую ворчливую бабульку, ты наконец от меня отделаешься.

— Никогда, — смеётся он в голос, хлопает меня по плечу. — Ладно, пошли. А то я передумаю и оставлю тебя тут ещё на год.

Я остаюсь на секунду одна, оглядывая пустую комнату. В ней больше нет ничего моего — кроме ощущения, что отсюда всё только начинается.

Квартиру я нашла почти идеальную — недалеко и от работы, и от универа. Искала именно так: чтобы не тратить ни время, ни деньги на дорогу. Пешком — минут пятнадцать, если не спешить. Для меня это было важно, почти принципиально.

Она небольшая, однокомнатная, в старом доме с не самым свежим ремонтом. Потолки чуть выше обычного, стены видели не один десяток лет, где-то скрипит пол. Но при этом квартира чистенькая и удивительно уютная — из тех, где сразу становится комфортно. Диван, небольшой телеви-

зор, простая кухня. Ничего особенного, но всё на месте. Всё как у людей.

Пока каникулы, я решила работать в две смены. Перетерпеть сейчас, чтобы в учебный год не пришлось разрывать-ся между работой и курсовыми, выбирая что-то одно. Я всё прикинула, посчитала, расписала по дням — по моим расчётам, времени должно хватить на всё. По крайней мере, очень хотелось в это верить.

Леся поднялась вместе с нами — уже без коробок, просто так, проверить как я тут. Осмотрелась, прошлась по комнате, словно примеряя пространство на себе, и улыбнулась.

— Тут хорошо, — сказала Леся, и в голосе её звучала искренность. — Всё здесь очень похоже на тебя. Так же мило.

Она ненадолго отвела взгляд к окну, а на её губах появилась лёгкая, немного грустная улыбка.

— Я буду скучать, — добавила она тише. — Помнишь, как сначала мы почти не общались, а теперь незаметно стали подругами.

— Я тоже, — признаюсь. — Ты мне правда стала очень дорога.

Она подошла ближе, обняла крепко-крепко, и мне стало по-настоящему грустно расставаться.

— Ты справишься, — сказала Леся уверенно. — А если станет тяжело — знаешь, где нас искать.

— Спасибо. Но если Алик узнает, что я вас ищу — он

приедет сам и начнёт спасать меня раньше, чем я пойму, что случилось.

Я размыкаю объятия, отхожу к плите, включаю чайник. И уже стоя к ней спиной спрашиваю:

— Кстати, а когда свадьба?

— Совсем скоро. Мы решили не тянуть. Думаем через три месяца организовать. Моя тётя в загсе работает, обещала помочь, так что с датой проблем не будет.

— Быстро вы, — усмехаюсь. — Поздравляю.

— Пригласительные обязательно пришлю, — кивает она и, будто между делом, спрашивает: — Ты одна придёшь или с парой?

Я фыркаю.

— Лесь, ты сейчас говоришь так, будто не знаешь, что я — ходячее одиночество.

— Ну а вдруг, — пожимает плечами она, явно поддразнивая. — Может я чего-то не знаю?

— Не смеди, максимум, кого я могу взять с собой, — это Джесси.

— Ладно, разберёмся. Может, ещё успеешь кого-нибудь подцепить, — замечает Лесья и тут же отвлекается на мамину коллекцию кружек.

Мы ещё немного сидим на кухне, пьём чай, говорим о пустяках. Лесья щебечет о разных женских штучках, Алик то и дело — всё высматривает, не требуется ли его мужская помощь по хозяйству. Через какое-то время они поднимаются

— Алик первым, Леся за ним, — и выходят, хлопнув дверью, оставив после себя тишину. Я наконец остаюсь одна, и это совсем не пугает.

Всю неделю я работаю без выходных. Утром — на смену, вечером — домой и сразу спать. Дни сливаются в одну утомительную череду из кофе, заказов и усталых ног. Я почти не успеваю осознать, что живу теперь одна, потому что существую между будильником и закрытием смены. Я не жалею, я сама выбрала этот путь, но от одного выходного не отказалась бы.

Очередной вечер в кафе проходит так же, как и предыдущие. Полумрак, негромкая музыка, привычная спешка. Я лавирую между столиками с подносом, машинально улыбаюсь и не особенно вглядываясь в лица — все они становятся одинаковыми после десятого часа работы.

И только у стойки, делая поворот, я вдруг замедляюсь. Две знакомые фигуры. Сначала вижу уверенную посадку, широкие плечи, жест, слишком знакомый, чтобы ошибиться. Потом — второй силуэт рядом, его я тоже узнаю.

Алик развалился на стуле и важно листает меню с видом человека, который видит его впервые в жизни. Марк напротив — расслабленный, с ленивой усмешкой, постукивает пальцами по столу. Оба делают вид, что они случайные посетители. Но стоит мне подойти — Алик тут же поднимает глаза.

— О, — оживляется он. — Смотрите-ка. Кажется, это та самая официантка, которая забыла дорогу домой.

— Очень смешно, — фыркаю я, ставя поднос на край стола. — Вам что-нибудь принести или вы просто пришли проверить, жива ли я ещё?

— Мы ещё не решили, — пожимает плечами Алик. — Пока осматриваемся. Вдруг ты тут уже начальник смены.

— Тогда бы вы уже сидели за самым лучшим столом, — парирую я и перевожу взгляд на Марка. — А ты за компанию?

— Меня притащили, — отвечает он, чуть улыбаясь. — Сказали, без меня проверка будет неполной.

— Не верь ему, — тут же вставляет Алик, подталкивая плечом Марка. — Он сам признался, что ему просто стало любопытно, как ты вообще справляешься на работе.

— Я такого не говорил, — отзывается Марк, с лёгкой усмешкой на губах. — Мы просто зашли по пути. Алик уверял, что здесь вкусно кормят.

Алик закатывает глаза и делает театральный вздох:

— Мог бы и подыграть хоть немного...

Я качаю головой, с трудом сдерживая улыбку.

— Значит так, — говорю деловито. — Если это инспекция, то я принимаю чаевые.

— Запомним, — кивает Алик. — Ладно, давай кофе. Мне — крепкий. Марку — как обычно.

— Как обычно где? — уточняю я, приподнимая бровь.

Марк усмехается, скрещивая руки на груди.

— Удиви.

— О, вот это риск, — хмыкаю я. — Хорошо, живите с последствиями.

Я разворачиваюсь к стойке, чувствуя, как напряжение постепенно растворяется. Ничего драматичного. Просто подковы, привычные голоса и приятное ощущение, что меня наконец-то не отчитывают, а просто проверяют на всякий случай, как я тут справляюсь.

Пока кофе набирает крепость, я украдкой смотрю в зал. Алик что-то рассказывает, активно жестикулируя, Марк слушает вполоборота, иногда кивает. Ничего особенного. И всё же внутри появляется странное ощущение — будто вечер внезапно стал короче и легче.

Я ставлю чашки на поднос и возвращаюсь к их столику.

— Ваш риск готов, — говорю, опуская кофе перед Марком. — И крепкий — для проверяющего органа.

— Одобряю, — Алик придвигает чашку. — Запах уже внушает доверие.

Марк делает первый глоток, на секунду задерживает взгляд на чашке, потом на мне.

— Неплохо, — делает ещё один глоток и выдаёт окончательный вердикт. — Я бы зашёл ещё.

— Вот и попался, — тут же улыбается Алик. — Значит, не зря пришли.

— Вы пришли кофе пить или меня отвлекать? — уточняю

я, но без строгости.

— Мы можем совмещать. Многозадачность — наше всё.

Я улыбаюсь и уже собираюсь отойти, когда Марк добавляет:

— Сильно мешаем?

— Пока нет, — отвечаю честно. — Но, если начнёте проверять санитарные нормы — выгоню.

— Так точно капитан, — издевается Алик.

Я ухожу к следующему столику, снова вливаясь в ритм смены. До конца рабочего дня остаётся совсем немного. Кафе заметно пустеет, заказов становится всё меньше. Я машинально протираю столы, собираю посуду и только в какой-то момент понимаю, что за знакомым столиком сидит уже не двое, а только Марк.

Он откинулся на спинку стула, вытянул длинные ноги далеко вперед, и медленно допивает уже третью чашку кофе за этот вечер. Он иногда заглядывает в телефон или просто смотрит в зал, думая о чём-то своём. И время от времени взгляд падает на меня. Не в упор, без лишнего внимания — скорее так, будто я часть этого кафе.

Я останавливаюсь рядом с ним, собирая пустые кружки с соседнего столика.

— Ты в курсе, что кофеин в таких дозах вреден для здоровья? — бросаю между делом, забирая его чашку. — Особенно на ночь.

— Уже поздно заботиться о моём здоровье, — усмеха-

ется, чуть наклоняя голову. — Кажется, я перешёл точку невозврата.

Я фыркаю и ставлю ещё одну чашку на поднос.

— А где Алик? — спрашиваю будто между прочим, продолжая собирать посуду за соседним столом.

— Уехал. Сказал, что ты всё равно занята, а у них с Лесей какие-то планы.

— Вот жук... даже не попрощался. А ты значит решил остаться?

Он на секунду задумывается, словно подбирая формулировку.

— Ну, — тянет он, пожимая плечами, — кофе был слишком горячий. Ждал, пока остынет. Потом стал слишком холодный. Потом принесли новый. Как-то так и дотянул до закрытия.

Я смотрю на него, бровь слегка приподнята, губы сжаты — и понимаю, что вот-вот рассмеюсь.

— Очень убедительно, — говорю сквозь улыбку, и вижу, как уголки его губ дрогнули.

— К тому же... поздно уже. Решил, вдруг тебе понадобится компания.

Он произносит это почти небрежно, будто говорит о чём-то совершенно обычном, будто он частенько забегает на чашечку кофе и провожает меня домой.

— Благородно, — отвечаю, делая вид, что меня это совсем не смутило. — Но я вообще-то справляюсь сама.

— Я знаю. Просто представь, что я иду в ту же сторону.
Совпадение.

— Договорились. Я скоро закончу. И, пожалуйста, не заказывай больше кофе — твой организм скажет мне спасибо.

Я разворачиваюсь к барной стойке. Минут через пятнадцать последний гость покидает зал, колокольчик над дверью звенит уже без надобности. Я закрываю смену и иду бегом переодеваться. Снова джинсы, очередная оверсайз-футболка. В зеркале — усталое лицо, растрёпанные волосы. Но это уже не имеет значения. Рабочий день наконец-то остался позади.

Я прощаюсь с ребятами, киваю на дежурные «до завтра» и выхожу на улицу. Марк ждёт снаружи — сигарета тлеет в его пальцах, и только сейчас замечаю, как ему идёт эта дурацкая привычка. Странно, как вообще можно красиво курить? Но у него получается.

— Такси или пешком? — его голос вырывает меня из размышлений. — Моя в ремонте. Алик сказал, ты где-то недалеко живёшь.

— Да, минут пятнадцать идти. Можем пройтись.

— Вообще-то тебе не обязательно было меня ждать, — говорю я, поправляя лямку рюкзака. — И Алика можешь не слушать. Я правда справляюсь.

Марк хмыкает, выкидывает окурок в урну и засовывает руки в карманы.

— Не переживай, команды следить за тобой не было. У

меня действительно выдался свободный вечер.

Мы идём рядом, почти не глядя друг на друга, но шаги сами собой сливаются в один ритм.

— Спасибо, — говорю я после паузы. — После тяжёлого дня приятно поговорить с кем-то не о работе. А завтра выходной — можно даже не бежать домой, чтобы завтра поспать на пять минут дольше.

— Вот видишь, как удачно. А я как раз давно просто так не бродил по городу.

Я невольно скользя взглядом по припаркованным машинам. Марк это замечает и усмехается.

— Присматриваешь себе?

— Не поняла, — я делаю вид, что не понимаю о чём он.

— Алик проговорился. Сказал, ты обронила фразу про права. И что копишь на машину.

— Алик слишком много болтает, — бурчу я, но внутри приятно, что он запомнил.

— Ну, раз у тебя выходной, — Марк бросает на меня короткий взгляд, — может, займёмся чем-то полезным? Например, начнём учить тебя водить. Без скучных лекций, просто... покажу, с чего всё начинается.

Я невольно замедляю шаг. Идея звучит слишком... заманчивой и не реальной. Такой, о которой я даже подумать не могла.

— То есть ты хочешь сказать, что готов сесть со мной в машину и не бояться за свою жизнь? — я приподнимаю бровь.

— Это смелое заявление.

— А ты боишься? — он смотрит на меня с лёгким вызовом.

— До ужаса, — признаюсь я, и в голосе слышится ирония.

— Я даже в компьютерных играх врезаюсь в бордюры.

— Ну, наконец-то призналась. А то всё «я сама», «я справлюсь», «всё умею».

— Я справлюсь, — упрямо повторяю я. — Но с тобой, возможно, чуть быстрее.

— Не переживай. Буду держать руку на рычаге и подправлять руль. А вот с педалями придётся справиться самой.

— Ладно, — я делаю вид, что вздыхаю. — Но, если я что-то перепутаю, пеняй на себя. Ты сам предложил.

— Учту, — серьёзно кивает он, но глаза смеются.

— И вообще, может, у меня талант. Может, я прирождённый гонщик.

Я смеюсь, и мы уже подходим к моему подъезду. Двор почти пуст — только вдалеке бегают собака, а следом за ней не спеша идёт мужчина с поводком, что-то негромко бормоча.

Марк замедляет шаг, останавливается напротив меня.

— Тогда, если завтра нет никаких планов... — он делает паузу, чуть склоняет голову, явно оставляя мне возможность подумать. — Заеду за тобой?

Я смотрю под ноги, переминаюсь с ноги на ногу.

— Мой единственный план был выспаться, — отвечаю, чувствуя, как уголки губ сами собой ползут вверх.

— Отличный план, — он улыбается. — Тогда напиши, как проснёшься.

Я киваю и наконец поднимаю взгляд. Его лицо освещает мягкий жёлтый свет фонаря — цвет глаз выглядит чуть теплее, чем обычно.

— Спокойной ночи, Эми, — говорит он, делая шаг назад, но не разворачиваясь.

— Спокойной, — отвечаю я.

Поворачиваюсь к двери, уже тяну руку к ручке — и вдруг по-дурацки широко улыбаюсь.

— Подожди! — оборачиваюсь, чувствуя, как внутри всё сжимается от неловкости. — У меня же нет твоего номера.

— Да, точно, — Марк слегка хлопает себя по лбу. — Со всем из головы вылетело.

Он достаёт телефон, быстро набирает что-то на экране и говорит:

— Продиктуй номер, я запишу и напишу тебе.

Я называю номер, и его пальцы ловко бегут по клавишам. Через секунду в моём кармане вибрирует уведомление. Я достаю телефон, быстро вбиваю номер в контакты и, не придумав ничего лучше, подписываю: «Марк».

— Готово, — говорю, убирая телефон в карман.

— Ну, тогда... до завтра, — говорит Марк.

— До завтра, — киваю я.

Он круто развернулся и двинулся к арке, засунув руки в карманы. Я стою, смотрю ему вслед, пока его силуэт не ис-

чезает в полумраке. Только тогда открываю дверь, захожу в подъезд, и медленно поднимаюсь по лестнице. На каждой ступеньке улыбаюсь — сама не знаю чему.

Этот номер в телефоне — всего лишь цифры, но ощущается куда важнее, чем должен.

Глава 4

Я снова маленькая — или уже слишком взрослая, не понимаю, что происходит. В её руках тепло, почти забытое умиротворение. Я почти счастлива — но слёзы текут сами, горькие, солёные, мешая наслаждаться этим мигом. Утыкаюсь лицом в её плечо, и слова рвутся наружу, сбивчиво, почти с истерикой.

— Мам... он не мой, — шепчу я сквозь слёзы. — Он как будто чужой. Я не хочу его. Пожалуйста...

Мама гладит меня по волосам — медленно, терпеливо, как делала всегда, когда я не могла справиться с собой. Но ничего не говорит. Только смотрит так, будто знает что-то, что я пока не готова услышать.

Я опускаю взгляд — и только тогда понимаю. Мой живот округлён. Я чувствую это не как образ, а как факт, от которого невозможно отвернуться. Внутри — жизнь, которая не спрашивала, хочу ли я её.

— Мам, я не готова... — всхлипываю я. — Я не люблю его. Я не чувствую ничего. Совсем.

Слёзы текут сильнее, дыхание сбивается. В груди — паника и стыд, смешанные с виной. Будто я уже кого-то предала, ещё даже не проснувшись.

Мама крепче прижимает меня к себе.

— Ты справишься, — говорит она совсем тихо. Её голос

звучит будто издалека. — Даже если сейчас кажется, что нет.

— Мам... — я глотаю слёзы, цепляясь за её руки. — Он его не хочет. Понимаешь? Никто его не хочет...

Её руки выскользывают, мир начинает расплываться. Всё теряет свой облик. Остаётся только тревога и предчувствие чего-то непоправимого.

Я резко просыпаюсь. Неподвижно лежу, прислушиваясь к себе. Глаза открываются с трудом, ресницы слиплись. Провожу рукой по лицу — щёки мокрые. Плакала? Во сне? Сажусь, голова идёт кругом. Автоматически кладу руку на живот — плоский, пустой, как и всегда. А в груди — странный коктейль из пустоты и тяжести, будто я выдержала долгую немую истерику, не издав ни звука. Но это был сон. Всего лишь сон.

Провожу ладонями по лицу, прогоняя сон. Плетусь на кухню, ставлю чайник. В голове ещё каша, но вдруг — вспоминаю, что сегодня Марк обещал познакомить меня с рулём. И это дарит мне первую улыбку. Я даже не замечаю, как уже почти подпрыгивая иду обратно к кровати, подхватываю телефон. На экране сразу же высвечивается — его сообщение.

Марк: *«Надеюсь, ты не струсил, а правда всё ещё спишь. Я уже на второй чашке кофе. Если ты не проснёшься, я перейду на третью, и тогда отвечать за моё здоровье придётся тебе.»* — В конце — подмигивающий смайл.

Я: *«Проснулась. Дай мне ещё минут пятнадцать. Надеюсь, я не стану причиной твоей кофеиновой зависимости.»*

Отправляю сообщение и сразу закидываю телефон в рюкзак. На ходу чищу зубы, одновременно натягивая джинсы. Сверху — белый топ на бретелях. В желудок отправляется вчерашний круассан, сташенный с работы, и кружка растворимого кофе. Накидываю толстовку на молнии, рюкзак на плечо — и бегу по лестнице, даже не завязав как следует шнурки.

Дверь подъезда захлопывается за спиной. Солнце сразу ослепляет глаза, но это не мешает мне разглядеть Марка. Он ждёт у обочины, прислонившись к машине. В пальцах тлеет сигарета. На капоте стоит стаканчик с кофе. Делает последнюю затяжку и гасит её о край урны, когда замечает меня.

— Ну что, готова? — спрашивает Марк, когда я подхожу ближе.

— Наверное, — пожимаю я плечами, чувствуя, как уголки губ сами собой поднимаются. — Главное, чтобы твоя машина была готова.

Он открывает дверь, кивком приглашая сесть на пассажирское место и забирает стаканчик с крыши.

— Она только что из сервиса. Надеюсь, сегодня вечером не придётся везти её туда снова, — отвечает с улыбкой на лице. Но я ничего не отвечаю, лишь прикусываю нижнюю губу от неловкости.

Марк закрывает за мной дверь, обходит машину и садится за руль. В салоне пахнет кофе и чем-то ещё — кажется, его парфюмом. Он заводит двигатель, и мы плавно выезжаем со

двора.

— Ты успела поехать? — спрашивает Марк, не отрывая взгляда от дороги. — Если что, можем заехать куда-нибудь по пути.

— Успела. Я без завтрака вообще никуда. Мама с детства вбила: сначала еда, потом всё остальное.

Он кивает, чуть заметно улыбнувшись уголком губ.

— Здравый подход. Значит, шансы, что ты сегодня упадёшь в обморок на первом же повороте, минимальны.

— Именно, — я пожимаю плечами.

— Так ты пробовала когда-нибудь водить? — он поворачивает голову, бросая на меня короткий, изучающий взгляд.

— Если считать, что в детстве я крутила руль у папы на коленях — то опыт у меня уже солидный.

— Тогда всё серьёзно, — произносит он с лёгкой усмешкой, и я замечаю, как он расслабленно ведёт дорогу, щурясь от солнца, которое пробивается сквозь лобовое стекло.

— Предупреждаю сразу, — добавляю я. — Там был один маршрут: от двора до поля и обратно.

— Идеально, — кивает он. — Почти как учебный полигон.

— Тебе правда совсем не страшно за свою машину? — я чуть наклоняюсь, пытаюсь разглядеть его настоящие чувства.

— Я не из пугливых, — он пожимает плечом, не отрывая глаз от дороги. — Это всего лишь железка, которая поддаётся ремонту.

Марк сворачивает с основной дороги и въезжает на огороженную площадку. Здесь тихо, безопасно и слишком просторно — разметка на асфальте, конусы, знаки. Я смотрю по сторонам и помимо нас здесь всего пара машин. Идеально.

— Ты уверен, что я справлюсь? — спрашиваю, чувствуя поднимающуюся внутри волну страха и любопытства.

— Не узнаем, пока не попробуешь, — он глушит двигатель и поворачивается ко мне. — Давай, выходи. Место водителя — твоё.

Я остаюсь на секунду одна, делаю глубокий вдох и пытаюсь не думать о том, как быстро бьётся сердце.

Мы меняемся местами. С водительского сиденья всё ощущается иначе. Машина вдруг становится огромной, будто я села за штурвал океанского лайнера.

— Не волнуйся так, — говорит Марк, заметив мои трясущиеся руки. — Здесь можно ошибаться.

Он коротко объясняет, где что находится — без лишних наставлений, без перегруза. Иногда показывает жестом, иногда легко поправляет мою руку. Его голос действует успокаивающе, и руки перестают дрожать почти сразу. В теории всё кажется не таким сложным — остаётся надеяться, что на практике будет так же.

— Всего две педали, — напоминает он. — Здесь ничего сложного.

Я запускаю двигатель и осторожно нажимаю на педаль. Машина немного дёргается, но после небольших подсказок

Марка, начинает двигаться плавно, почти послушно. Страх не уходит сразу, но с каждым метром становится слабее. И я понимаю: это действительно не так страшно, как я себе представляла.

— Вот так, — говорит Марк, когда я медленно притормаживаю. — Ты хорошо чувствуешь машину.

Я выдыхаю, плечи опускаются. Впервые за всё время я сижу в кресле не как натянутая струна, а почти расслабленно. И впервые вместо желания остановиться появляется другое — проехать ещё круг.

— Возьми немного левее, — его голос звучит совсем рядом, он чуть наклоняется, помогая мне вывернуть руль при развороте. Я не спорю — только слушаю и внимательно выполняю, что он говорит.

Плавно трогаюсь, вхожу в повороты, еду змейкой между конусами. Несколько раз сбиваю их, но уже не вздрагиваю и не извиняюсь. Марк лишь спокойно просит остановиться, объясняет, как было бы удобнее, и мы едем дальше.

В какой-то момент я понимаю, что мне правда нравится. Не «нужно», не «придётся», а именно нравится. Мысль о том, что я могу научиться водить, перестаёт казаться далёкой и абстрактной.

Мы проводим на площадке больше трёх часов. Я выхожу из машины с чувством, которое трудно описать: я счастлива и выжата как лимон одновременно. И я бы хотела почувствовать это снова.

— Проголодалась? — спрашивает Марк уже по дороге домой. — Можем заехать куда-нибудь.

— Нет, — отвечаю я автоматически, по привычке.

Проходит несколько секунд, и в голове всплывает картина утреннего холодильника: два йогурта и пустая полка. Желудок тихо напоминает о себе.

— Хотя... — говорю я, глядя прямо перед собой. — Это, наверное, неплохая идея.

Он кивает, принимая мой ответ, и сворачивает на соседнюю улицу. Мы останавливаемся у самой популярной пиццерии в городе. Там всегда толпа, а столики у окон — как выигрыш в лотерею. Пиццу я любила всегда, но сейчас, голодная и уставшая, кажется, что за один горячий кусок с тянущимся сыром я отдала бы многое.

По чистой случайности — или потому что нам крупно повезло — мы занимаем столик у окна. Внутри шумно, пахнет тестом, томатным соусом и расплавленным сыром. Официанты снуют между столиками, на подоконнике стоит горшочек с живым базиликом, и я смотрю на улицу, на машину, которую каким-то чудом ещё не разбила. Марк тем временем, даже не листая меню — заказывает сразу две пиццы: мясную и гавайскую. Я удивлённо поднимаю глаза.

— Подожди... — улыбаюсь я. — Откуда ты знаешь, что я люблю гавайскую?

Он откидывается на спинку стула, будто вопрос его искренне забавляет.

— Да это не секрет, — пожимает плечами. — Например, на мой пятнадцатый день рождения ты полвечера дулась, потому что заказали всё подряд, кроме пиццы с ананасами.

Я хмыкаю, скрещивая руки на груди, устраивая небольшой спектакль.

— Я не дулась.

— Ты молча ела и очень выразительно вздыхала, — уточняет он, и в его голосе я слышу улыбку. — Это считается.

Я не выдерживаю и смеюсь, запрокидывая голову. Он смотрит на меня с таким облегчением, будто я только что помиловала его.

— Или, — продолжает он, — когда твой папа повёз нас в пиццерию на каникулах. Все заказали кто что, а гавайскую взяла только ты. И доела её тоже только ты.

— Боже, ты это помнишь?

— Ты всегда её заказывала. Было бы странно не запомнить.

— Я тогда ещё сказала, что ананасы — это вообще-то идеальная еда, — вспоминаю я с улыбкой. — А ты смотрел так, будто я сказала глупость.

— Я просто не понимал, — усмехается он. — Но сейчас, если честно тоже не понимаю.

Пиццу приносят быстро. Тарелки ставят на стол, поднимается пар, и на секунду всё остальное перестаёт иметь значение. Я беру кусок, обжигаю пальцы и понимаю, да, именно этого мне сейчас и хотелось.

— Спасибо, что привёз сюда. Я давно хотела сюда выбраться, — делаю глоток апельсинового сока и киваю на его тарелку. — Но ты обязан попробовать хотя бы кусочек с ана-насами. Ради чистоты эксперимента.

Марк смотрит на меня пару секунд, потом переводит взгляд на пиццу, словно взвешивает риски. Уголок губ дёргается.

— Ты умеешь убеждать, — говорит он, откусывает кусочек и с показной осторожностью пробует. Он жуёт медленно, будто специально тянет время. А я затаиваю дыхание, словно его одобрение в выборе пиццы невероятно важно.

— Ладно... Я всё ещё не фанат — признаёт неохотно. — Но это не так страшно, как я думал.

Я улыбаюсь, чуть опуская глаза.

— Вот видишь, — довольно отвечаю я. — Маленькие открытия иногда того стоят.

Он смотрит на меня дольше обычного и в этом взгляде есть что-то неожиданно тёплое. Я делаю вид, что занята своим куском, но внутри остаётся тихое ощущение: между нами появилось что-то личное, почти случайно — и от этого ещё более настоящее.

Мы уже почти доели, когда я замечаю его у стойки. Сердце реагирует раньше, чем голова — коротким, неприятным толчком. Денис, мой одноклассник, идёт в сторону нашего столика и сразу замедляется, заметив меня.

— Эмилия? — он подходит с улыбкой, которая кажется

мне чересчур широкой. — Привет.

— Привет, — отвечаю, неловко ёрзая на стуле, и чувствую, как внутренне вся сжимаюсь.

Денис переводит взгляд на Марка — долго, внимательно. Словно оценивает конкурента. Потом снова смотрит на меня.

— Не помешаю? Просто хотел поздороваться. — в его тоне сквозит наигранная небрежность. — А это твой...

— Это Марк, мой друг, — резко перебиваю, уловив его интонацию.

Марк кивает и молча протягивает руку для пожатия.

— Денис, — тот пожимает руку, но не отводит взгляда от меня. В его глазах мелькает что-то вроде разочарования.

— Рад был тебя увидеть, Эмилия. Ладно, не буду вам мешать.

— Взаимно, — отвечаю я сухо.

Он уходит, и я наконец выдыхаю. Тянусь к стакану с соком, делаю большой глоток, лишь бы чем-то занять руки.

— Мне уже звонить Алику, чтобы он доставал боксёрские перчатки? — Марк кривит губы в усмешке. — Или подождём?

— Расслабься, — бросаю я, чувствуя, как внутри ещё кипит раздражение. — Он совершенно не в моём вкусе.

— Абсолютно? — Марк чуть приподнимает бровь.

— Неплохой парень, — признаю я. — Но слишком... настойчивый. Уже пару раз звал в кино. Я каждый раз находи-

ла причины отказаться.

— Хм... Теперь мне стало интересно, — говорит он задумываясь. — Какие парни тебе нравятся, если ты отшила такого симпатягу?

Я откидываюсь на стул и смотрю в окно. Пытаюсь представить кого-то — из фильмов, из жизни, из воображаемых «идеалов». Но в голове — пустота. Нет никого конкретного. Ни типа, ни единой черты.

Поворачиваюсь к Марку, чтобы сказать это — и застываю, заметив его руку на столе. Рядом с моей. На расстоянии одного неловкого движения. Я отдёргиваю ладонь, будто ошпаренная, хотя Марк весь день касался меня, поправляя руль. И тогда это было просто помощью. А сейчас — какая-то дурацкая, внезапная неловкость.

— Никакие, — бросаю я, даже не глядя на него. — Я вообще не думаю сейчас о парнях.

Резко отворачиваюсь к залу. Смотрю на чужие столики, на официантов, куда угодно, только не на него. Сердце сбивается с ритма, и я ненавижу себя за эту неуместную панику.

— Простите, — окликаю официантку, ловя её взгляд. — Можно счёт?

Она подходит через минуту и кладёт папку на край стола.

— Давай пополам. Только у меня карта, — я вытаскиваю её и зависаю с ней в воздухе. — Я могу расплатиться, а ты потом переведёшь половину или...

— Даже не думай, — он ловко перехватывает папку, даже

не дав мне договорить.

— Марк...

— Я пригласил, — говорит, вкладывая в папку наличку из кошелька. — И вообще, это моя территория. Пицца и странные воспоминания. Так что не спорь.

Я секунду колеблюсь, потом сдаюсь и убираю карту обратно.

— Ладно. Но в следующий раз — моя очередь угощать.

Он поднимает на меня взгляд и уголки его губ снова трогает знакомая усмешка.

— Договорились, — кивает он.

Мы выходим из пиццерии, и воздух уже не такой тёплый, но приятный, освежающий. Марк достаёт ключи, я смотрю на машину и до сих пор не могу поверить, что сегодня сидела за рулём. Он выруливает с парковки, и я запоминаю каждое его движение, чтобы потом повторить самой.

— Устала? — спрашивает Марк, мягко увеличивая скорость.

— Немного, — честно отвечаю я, потирая глаза. — Но мне нравится такая усталость.

— Ты сегодня хорошо справилась. Не каждый так быстро перестаёт бояться.

— Я всё ещё боюсь, — зеваю я, прикрывая рот ладонью. — Просто уже не хочу останавливаться.

— Можешь поспать, — он настраивает кондиционер, чтобы воздух не дул прямо на меня. — Я разбужу, когда прие-

дем.

— А если я начну храпеть?

— Запишу на диктофон, — отвечает он с невозмутимым видом. — Потом покажу Алику.

— Ты жесток.

— Нет, просто заботливый, — он улыбается, и я вижу это краем глаза. — Ты ещё не знаешь, насколько.

Машина мягко тормозит у подъезда. Я смотрю на знакомую дверь, на окна своей квартиры и почему-то не хочу выходить.

— Приехали, — тихо говорит Марк, и я слышу в его голосе что-то похожее на сожаление.

— Спасибо, за сегодня — негромко отвечаю, поворачиваясь к нему. — Было здорово.

— Не за что. Мне тоже было... хорошо.

Это «хорошо» звучит без прикрас, просто и честно. Я улыбаюсь в ответ, открываю дверь и выхожу.

Захожу в подъезд, поднимаюсь по лестнице и только у своей двери понимаю: мне тоже было хорошо. И, кажется не только потому, что я впервые села за руль.

Глава 5

Марк

Дорога обратно кажется короче, чем должна быть. Или, наоборот, тянется медленно — я не сразу понимаю, что именно не так. Город за лобовым стеклом привычный, знакомый до мелочей, а внутри — странное ощущение сдвига, будто день незаметно вышел за рамки обычного.

Эми молчит. Не напряжённо — просто смотрит в окно, иногда меняет позу, будто устраивается удобнее. Я ловлю себя на том, что слежу за её отражением в стекле чаще, чем за дорогой. Осторожно, не на прямую. Это глупо, но взгляд всё равно возвращается.

И именно сейчас я понимаю, почему. Она всегда такая — без фальши. Без этой привычной для многих игры «я слабая, помоги мне». Она не притворялась, когда нажала на газ и машина дёрнулась — она испугалась по-настоящему, и я видел это по её пальцам, вцепившимся в руль. Потом злилась на себя за сбитый конус — так искренне, с досадой, будто от этого зависело что-то по-настоящему важное. А когда наконец получилось сделать змейку — рассмеялась. Громко, свободно, не думая о том, как выглядит со стороны. И в этом смехе не было ни капли кокетства, ни желания понравиться. И это, наверное, самое редкое, что можно встретить в современной девушке.

Машина останавливается её у дома. Я выключаю двигатель, но оставляю радио — там играет что-то знакомое, но я не вслушиваюсь. Она не открывает дверь, я не уезжаю.

— Спасибо, — её голос мягкий, чуть сонный. — Было классно.

— Не за что. Мне тоже... хорошо.

И это не вежливость. Не фраза на прощание. Мне правда было хорошо, и я не вижу смысла это скрывать.

Она смотрит на меня немного удивлённо — будто она не привыкла, чтобы с ней были честны без причины. А потом улыбается — милой улыбкой, без попытки произвести впечатление. И в этот момент я вдруг ясно понимаю, что хочу видеть её чаще.

Может быть, поэтому я и остался тогда в кафе? Я до сих пор не знаю, зачем в тот день решил проводить Эми. Это не было запланировано, не было частью какого-то намерения. Я даже Алику ничего не сказал — наплёл, что вызову такси и уеду позже. Он не стал уточнять, а я и не хотел объяснять больше, чем нужно.

Но если быть с собой честным, всё началось раньше — возможно, с того прыжка в реку, а может, ещё утром, когда увидел её на аллее. Она шла медленно, никуда не спеша, и в этом было что-то удивительно цепляющее. Я давно её не видел и поймал себя на том, что она заинтересовала меня больше, чем следовало бы.

Это была уже не та Эми, которую я помнил подростком

— резкую, угловатую, слишком шумную для собственного возраста. Передо мной стояла взрослая девушка в которой всё будто обрело равновесие.

Я увидел девушку с прекрасной фигурой — тонкая талия, мягкие линии, никакой идеальности, выточенной годами в спортзале. Только природная красота, которую не нужно улучшать уколами и различными операциями. Ветер играл с её тёмными волосами, пряди выбивались из пучка, падали на скулы — и в этом было что-то удивительно живое, настоящее. Лицо мягкое, но с характером: чёткие брови, чуть упрямый изгиб губ с едва заметной асимметрией, от которой хотелось улыбнуться в ответ. А глаза — карие, но на солнце они горели тёплым янтарём. Кожа, чуть тронутая солнцем, без капли косметики. Только естественность, от которой невозможно оторваться.

Я прибавляю любимую песню — она звучит как раз под настроение этого вечера. Закуриваю, не торопясь трогаться. Табачный дым смешивается с вечерней прохладой, и в этой тишине, нарушаемой только гитарным перебором, вдруг становится понятно: я не хочу, чтобы этот вечер заканчивался. Не хочу, чтобы она уходила в свою квартиру, а я уезжал к себе. И в порыве эмоций набираю сообщение и только потом трогаюсь.

«Если снова захочешь порулить — машина в твоём распоряжении. И я тоже.»

Ответа долго ждать не пришлось. Эми ответила почти

сразу — коротко, без лишней болтовни, предложив встретиться во вторник и пятницу. И вдруг понял, что между этими встречами считаю дни. Не специально — просто замечал, как вторник приближается, как пятница уже не кажется обычным днём. Мы снова ездили, снова говорили о мелочах, и каждый раз я видел, как ей становится комфортнее за рулём и со мной.

В какой-то момент я начинаю думать грандиознее: не о следующей встрече, а о том, как вписать автошколу в её невозможный график. И как, чёрт возьми, оплатить это так, чтобы она не взбрыкнула — Эми слишком гордая, чтобы принять что-то в лоб.

Если честно, изначально я вообще не верил, что затея с вождением выстрелит. Я предложил это почти случайно — просто потому, что Алик вечером обмолвился: она хочет машину и права. А я вдруг понял, что хочу увидеть её ещё раз. Не придумал ничего лучше — предложил уроки. И теперь всё усложняется. Даже если я сумею убедить Эми, вопросы появятся у Алика. А этого я пока не хочу. Не хочу, чтобы он додумывал то, чего нет и, возможно, не будет. Мы просто проводим время. Просто помогаю ей. Просто нахожусь рядом.

Я уже не обманываю себя, приняв, что Эми мне нравится. Не как девчонка из соседнего двора, не как младшая сестра друга — иначе. Но об этом не обязательно знать кому-то ещё. Особенно если это чувство, кажется, одностороннее. Я

это чувствую. И, наверное, так и должно остаться.

Мы в очередной раз приезжаем на площадку, и я выкидываю эти мысли из головы — хотя бы на время. Эми садится за руль, и я смотрю, как она привычно поправляет зеркала, как увереннее, чем в прошлый раз, сдаёт назад.

— Ты сегодня почти профессионал, — заметил я, когда она аккуратно объехала конусы.

— Не сглазь, — буркнула она, но я видел, как уголки её губ поднимаются.

Даже сбитые конусы уже не вызывали паники — она злилась, выходила, поправляла и пробовала снова. И с каждым кругом у неё получалось всё лучше.

Я смотрю на её профиль, на то, как она кусает губу, сосредоточившись, и понимаю, что врал себе, когда думал, что могу оставаться просто наблюдателем. Но сейчас не об этом. Сейчас — о том, как ей нравится водить. И как мне нравится на это смотреть.

Когда мы закончили, уже вечерело. Я довёз её до дома, и мы снова задержались в машине на несколько минут.

— Спасибо, — говорит Эми, отстёгивая ремень. — Сегодня было легче.

— Потому что ты привыкла, — отвечаю я, мельком взглянув на неё. — И потому что ты быстро схватываешь.

На её губах расцветает светлая, чуть застенчивая улыбка.
— Слушай... — Она мнётся секунду. — Не говори Алику, ладно? Что мы катаемся. А то он сразу включит режим

старшего брата.

— Без проблем, — пожимаю я плечами. — Как скажешь.

Мы выходим из машины. Эми поправляет лямку сумки, делает шаг в сторону подъезда, но вдруг останавливается и поворачивается ко мне.

— Тогда до следующего раза? — её голос звучит тихо, почти робко.

— До следующего, — киваю я.

Телефон вибрирует почти сразу, как только она скрывается за дверью. Алик. Он как будто почувствовал, что мы только что о нём говорили. Вздыхаю и нажимаю «ответить».

— Ну ты где пропал? — его голос бодрый, даже слишком. — Я тебе звонил днём.

— Делами был занят, — отвечаю я, запрыгивая в машину.

— Какими ещё делами? Ты же говорил у тебя выходной, — фыркает он. — Ладно, неважно. Слушай, поехали в бар? Хочу выпить и поболтать как в старые добрые.

— Давай, — соглашаюсь я, нажимая на газ. — Почему нет.

Алик довольно хмыкает.

— Вот это разговор. Через полчаса на нашем месте?

— Подходит.

Бар — отличное решение. Иногда проще позволить шуму и алкоголю заглушить мысли, прежде чем они начнут слишком настойчиво возвращаться.

Оставляю машину на парковке. Это место я знаю хорошо,

раньше мы здесь частенько зависали с Аликом. Захожу во внутрь и вижу друга, ожидающего меня за стойкой. Он сидит с бокалом пива и, как только видит меня, сразу кивает бармену заказав мне порцию виски со льдом.

Мы говорим обо всём и ни о чём: о работе, о каких-то общих знакомых, о глупых новостях. Я безумно рад видеть Алика, но почему-то эта встреча не приносит мне ожидаемого удовлетворения.

Не проходит и двадцати минут, как рядом появляются девушки. Яркие, одинаково ухоженные — короткие платья, блестящие губы, плотный макияж. Они двигаются уверенно, будто по отработанной схеме. Одна наклоняется ко мне слишком близко, вторгаясь в пространство.

— Привет, — говорит она, легко касаясь моего локтя. — Ты сегодня какой-то грустный.

Я мягко убираю руку. Помню её: случайная ночь после лишней выпивки. Сейчас она не вызывает во мне ничего, кроме желания остаться одному.

— Просто устал, — бросаю я.

Она хмыкает, бросает быстрый взгляд на Алика и уже через секунду теряет к нам интерес, переключаясь на соседний стол. За ней — вторая, третья. Смеются громче, чем нужно, шутят не слушая ответов, оставляют после себя запах духов и ощущение пустоты.

Алик наблюдает за этим с явным удовольствием.

— И что это с тобой? — кивает он в сторону очередной.

— Раньше бы не отказался.

Я смотрю на друга и замечаю, что слишком долго кручу стакан в руке.

— Раньше и ты был другим. А сейчас сидишь с кольцом на пальце и делаешь вид, что так было всегда.

Он поднимает руку, демонстрируя безымянный палец, и смеётся.

— Между прочим, работает. Леся гений. Надела — и всё, никто не «ворует».

— Да-да, — усмехаюсь я. — Семейный человек почти.

— Может, ты просто стал разборчивым? — продолжает он, прищурившись. — Смотри сколько красоток. Неужели ни одна не нравится?

Я смотрю на зал ещё раз. На одинаковые улыбки, одинаковые движения, одинаковое желание понравиться любой ценой.

— Выбор есть. Желания — нет.

Алик удивлённо хмыкает, но больше не лезет. Мы чокаемся стаканами, возвращаясь к нейтральным темам. Музыка становится громче, смех — резче, кто-то рядом опрокидывает шот и кричит что-то на весь бар. Всё это раньше было знакомым и даже сам принимал в этом участие. Но не теперь.

Я оглядываюсь вокруг ещё раз и вдруг понимаю: дело не в девушках, не в алкоголе и даже не в настроении. Просто это место больше не даёт того, за чем я сюда приходил.

— Ты чего такой задумчивый? — спрашивает Алик, пе-

рекрикивая музыку.

— Да так, — отвечаю я и делаю глоток. — Поймал себя на мысли, что раньше мне здесь нравилось больше.

Он хмыкает.

— Стареешь.

Я улыбаюсь, но не спорю. Потому что дело не в возрасте. Просто некоторые вещи перестают работать. Сегодня я здесь лишний. И сколько бы я ни пытался заглушить мысли, от одного образа всё равно не уйти — нежного, чистого, совсем из другого мира.

Допиваю виски, позволяя льду стукнуться о дно стакана. Горло обжигает, но желания заказать второй не возникает. Встаю и выхожу на улицу, оставляя Алика за стойкой — пока он что-то выясняет по телефону с Лесей.

На улице прохладнее, воздух чище, и шум бара сразу отступает, оставаясь где-то за дверью. Я закуриваю, делаю глубокую затяжку и чувствую, как напряжение медленно сползает с плеч. Достāju телефон почти машинально. Зачем-то открываю диалог с Эми — последнее её сообщение было утром. Пару секунд смотрю на экран, потом блокирую его и убираю телефон обратно в карман. Не сейчас. Иногда лучше оставить всё как есть

Я докуриваю и бросаю окуроч в урну. Возвращаться в бар не хочется, но я всё равно разворачиваюсь к двери, чтобы попрощаться с Аликом. Уже на ходу вызываю такси. Домой. Завтра будет сложный день.

Глава 6

Эмилия

Магазин почти пустой — будний день, середина утра. Я стою у кассы и в который раз роюсь в сумке, уже не стараясь делать это незаметно. Пальцы натываются на всё подряд: ключи, телефон, жвачку, чек от аптеки, помаду — но не на то, что нужно. Картхолдера нет.

Я переворачиваю сумку почти вверх дном, заглядываю внутрь, будто он мог спрятаться где-то в углу. Кассир смотрит терпеливо, но я чувствую, как за спиной начинает скапливаться очередь.

— Сейчас... секунду, — бормочу я, хотя уже понимаю: секунды не помогут.

Я точно помню, что брала его с собой. Или нет? В голове — пустота. Только раздражающее чувство, что он был где-то рядом совсем недавно.

— Я... простите. Я, кажется, не могу оплатить.

Кассир молча кивает. Я отодвигаю корзину в сторону — чувствуя себя глупо, неловко, — и отхожу от кассы. У выхода останавливаюсь, снова открываю сумку, в надежде, что карты всё-таки там. Но по-прежнему ничего не нахожу. И вдруг становится ясно: я не могу вспомнить последний момент, когда точно держала его в руках.

Дома я переворачиваю всё. Сумка, куртка, кровать, тум-

бочка — обыску поддается абсолютно всё. Потом ещё раз обхожу квартиру — медленно, внимательно, будто картхолдер может появиться из ниоткуда, если смотреть достаточно долго. И снова ничего.

На работе — то же самое. Я проверяю ящик стола, сумку под столом, даже заглядываю под шкафчик в раздевалке, хотя понимаю, что это бессмысленно. Коллеги что-то спрашивают, я отвечаю автоматически, не вникая.

Где я была вчера? Мысли выстраиваются цепочкой сами: дом, площадка, дорога... машина. Точно. Именно там я могла его обронить. Картхолдер мог выскользнуть из сумки, когда я доставала телефон. Или, когда выходила. Или мог просто остаться на сиденье.

Я достаю телефон и пару секунд смотрю на экран, прежде чем написать.

Я: *«Привет. Кажется, я вчера потеряла картхолдер. Можешь, пожалуйста, посмотреть у себя в машине? Вдруг он там.»*

Отправляю сообщение и закидываю телефон в карман фартука. Пока я обслуживала какую-то милую пожилую женщину, телефон завибрировал.

Марк: *«Сейчас не могу, но я обязательно посмотрю, как освобожусь.»*

Рабочий день тянется медленно. Я то и дело проверяю телефон, хотя стараюсь не показывать, что нервничаю. К середине дня приходит ещё одно сообщение:

Марк: *«Нашёл. Он у меня. Вечером после работы заеду домой и потом привезу. Ты же сегодня на смене?»*

Выдохнув скопившееся за день напряжение, я наконец позволяю себе улыбнуться и отвечаю:

Я: *«Да, я сегодня работаю. Спасибо большое, буду ждать.»*

Телефон отправляется на стол. А в груди поселяется странное чувство радости. Не из-за картхолдера. Из-за того, что мы снова увидимся. Вечером. Я уговариваю себя, что это глупо и неправильно, но чувство не уходит.

Рабочий день затягивает. Сегодня юбилей, много суеты, подготовка, списки, звонки. Я бегаю из зала в кабинет, из кабинета на кухню, что-то уточняю, кому-то улыбаюсь, и время неожиданно начинает идти быстрее, чем обычно.

К вечеру зал разделяется сам собой: одна часть занята гостями, празднующими день рождения, другая остаётся свободной — почти незаметной, для обычных посетителей. Я как раз стояла немного приводила себя в чувство, когда зашел Марк. Он сразу начал искать меня взглядом и заметив, улыбнулся.

— Держи, — говорит, протягивая картхолдер. — Лежал между сиденьем и дверью.

— Ты меня спас, — выдыхаю я искренне, принимая его. — Я уже мысленно прощалась с картами.

— Рад быть полезным.

Я киваю в сторону свободных столиков.

— Садись, — говорю я, отступая в сторону и кивая на стол. — Хотя бы поешь, если, конечно, ты еще не ужинал. Это меньшее, что я могу сделать.

— Эми, не обязательно, — качает он головой, но я замечаю, как уголки его губ дёргаются. Он уже здесь, уже согласен — просто не торопится признавать.

— Обязательно. Ты потратил своё время. — Я делаю паузу, смотрю ему прямо в глаза. — И вообще, я тебе должна ужин. Помнишь, я обещала в пиццерии?

Он смотрит на меня пару секунд — взгляд скользит по лицу, будто ищет подвох. Потом усмехается, наконец садится напротив.

— Ладно. Но только один раз.

— Договорились, — улыбаюсь я.

Возвращаюсь с кухни с тарелкой пасты, держа её обеими руками, и ставлю перед ним аккуратно, почти с церемониальной серьёзностью.

— Я решила за тебя, — объявляю я. — Надеюсь, ты не против. И пасту, надеюсь, любишь.

Наклоняюсь чуть ближе, чтобы у него не осталось сомнений:

— Это надо попробовать обязательно. У нас она особенно вкусная.

Марк смотрит на тарелку, потом на меня, приподнимает бровь.

— То есть у меня даже не было шанса отказаться? — уточ-

няет он.

— Абсолютно никакого. Ты обязан это попробовать.

— Звучит как угроза, — он уже берёт вилку.

— Это забота, — поправляю я и отступаю на шаг, давая ему пространство.

Марк наматывает пасту на вилку, медленно подносит ко рту. Я наблюдаю украдкой, делая вид, что занята — протираю стойку, поправляю салфетки, хотя на самом деле просто жду его реакции. Он жуёт, потом медленно кивает — с явным удовольствием.

— Ладно, — признаёт он. — Ты была права.

— Я знаю, — слишком быстро отвечаю я и тут же смеюсь, чтобы не прозвучало самодовольно.

— Эми, — окликает меня напарник с другого конца зала, выразительно приподнимая брови. Намёк прозрачный.

Я вздыхаю и виновато улыбаюсь Марку.

— Прости, — говорю я уже тише. — Работа. Только... не уходи не попрощавшись, ладно?

Он коротко кивает, будто это само собой разумеющееся.

— Даже не думал, — он качает головой. — Иди работай.

Я подожду.

Возвращаюсь к делам, но глаза всё равно снова и снова скользят к столику Марка. Пару раз я ловлю его взгляд — и каждый раз он улыбается, почти незаметно. Я отвечаю тем же, коротко, как тайный знак, и снова исчезаю среди людей.

В какой-то момент я чувствую, как будто у меня прибави-

лись силы. Движения стали легче, а с лица почти не сходит улыбка. И именно её резко стирает чужой голос.

— Девушка, а может, продолжим вечер в более приятной обстановке? — говорит мужчина, пока я наливаю ему рюмку водки.

Я поднимаю взгляд и тут же жалею об этом. Он слишком близко. Старый, неопрятный, живот упирается в стол, лысына блестит под лампами, как мокрое пятно. От него тянет спиртом и чем-то кислым, застарелым — запахом, который без разрешения проникает в нос. Его глаза медленно скользят по мне, без стыда, будто я — вещь в магазине, которую он уже выбрал. Улыбка исчезает сама собой.

— Боюсь, я на работе, — отвечаю я, ставя рюмку с такой силой, что жидкость выплёскивается на пальцы. Шаг назад. Он усмехается, бормочет что-то неразборчивое — и вдруг его рука вцепляется в моё запястье. Всё происходит слишком быстро. Я резко отшатываюсь, вырывая руку, дыхание сбивается. И в тот же миг он меня отпускает. Слышен резкий скрип отодвигаемого стула. Чья-то тень заслоняет свет.

Марк оказывается между мной и этим столиком так внезапно, будто был буквально в паре шагов от меня. Одного короткого движения хватает, чтобы мужчина отпрянул, не удержав равновесие, он успевает за хватиться за стол, чтобы не повалиться на пол. Вокруг мгновенно становится тихо, только музыка всё ещё звучит из колонок.

— Ты её не трогаешь, — говорит Марк твёрдо, не повы-

шая голоса. В его тоне столько холодной уверенности, что у меня по спине пробегает дрожь.

Кто-то из гостей вскакивает, напарник уже зовёт администратора. Мужчина что-то бормочет, пытаюсь подняться, но его тут же отводят куда-то в сторону. А я стою, не двигаясь, и только сейчас понимаю, что дрожу. Колени будто ватные. Марк поворачивается ко мне.

— Ты цела? — в его глазах — паника. Зрачки расширены, взгляд мечется по моему лицу, будто ищет повреждения, которые он мог пропустить.

Я киваю, ещё до конца не осознав, что только что произошло. Глаза начинает предательски щипать. И я резко разворачиваюсь, почти бегом уходя в уборную. Закрываю дверь. Упираюсь ладонями в край раковины, наклоняюсь ближе к зеркалу и позволяю себе несколько коротких, тихих слёз. Без всхлипов. Без драмы. Просто сбросить напряжение.

Холодная вода по лицу — резко, отрезвляюще. Я делаю несколько глубоких вдохов, выравнивая дыхание. Смотрю на своё отражение, пока взгляд снова не становится собранным. Смена ещё не закончена — значит, нужно взять себя в руки и выйти.

В дверь тихо стучат.

— Эми... — зовёт Марк. — Ты здесь? Всё в порядке?

— Да, — голос сдавленный, почти шепот, но твёрдый. — Сейчас.

Я задерживаю взгляд в зеркале чуть дольше, как будто

ищу в отражении силы, чтобы сделать шаг наружу. Потом глубоко вздыхаю, выпрямляюсь и медленно открываю дверь.

Марк стоит слишком близко — так, что я едва не врезаюсь в него. Свет из зала падает на его лицо, и я вижу злость, смешанную с беспокойством. Его взгляд скользит вниз. Останавливается на моей руке.

— Сильно болит? — голос хриплый, сдержанный.

Он осторожно касается запястья — почти невесомо, будто боится причинить ещё больше боли.

— Почти не болит, — отвечаю я, и это чистая правда.

Марк всё ещё держит мою руку и мне становится легче. Я чувствую тепло его пальцев и чувствую, как дрожь медленно уходит.

— Спасибо, что заступился, — я поднимаю на него глаза, и замолкаю, не зная, как ещё отплатить за его жест.

— Этот урод легко отделался, — его свободная рука осторожно убирает прядь с моего лица. — Что он тебе сказал?

Я качаю головой, делаю шаг назад — чтобы между нами снова появилось расстояние. Потому что мне безумно хочется обнять его, прижаться, почувствовать, что я в безопасности. Но я не могу этого сделать.

— Неважно. Он просто пьяный. Не понимает, что творит, — говорю я намеренно спокойно, закрывая эту тему. Мне не хочется пересказывать подробности — не потому, что стыдно, а потому что я вижу по Марку: ещё слово, ещё деталь — и он пойдёт дальше разбираться. А мне сейчас нужно не это.

Он молчит пару секунд, явно недовольный таким ответом, но всё же кивает.

— Если вдруг что-то... — начинает он.

— Я скажу, — перебиваю я мягко. — Правда. Всё уже позади.

Марк смотрит на меня ещё секунду, потом медленно кивает. Я вижу, что он не поверил до конца — в его глазах всё ещё остался гнев, но он делает усилие и отпускает тему.

Смена заканчивается без новых происшествий. Того мужчину я больше не вижу — будто его и не было. Зал постепенно пустеет, шум оседает, возвращается привычный ритм.

Марк всё это время остаётся неподалёку. Он внимательно следит за мной — каждое моё движение, каждый шаг. Несколько раз я ловлю его взгляд, но каждый раз отвожу глаза, смущаясь от неожиданного тепла внутри. Не знаю, зачем ему всё это, но мне приятно.

Мы выходим из кафе уже после закрытия. Марк останавливается у машины и, прежде чем открыть дверь, достаёт сигарету.

— Ты не против, если я покурю? А потом поедем. Не хочу, чтобы ты дышала дымом.

— Нет, не против, — коротко отвечаю я.

Он закуривает, опираясь бедром о капот, и внимательно разглядывает меня, как будто видит в первый раз.

— Слушай, а часто у вас такое бывает? Или мне просто повезло сегодня?

— Нет. Это впервые. Бывает, что подвыпившие мужчины пускают пыль в глаза, но не так. Этот просто перешёл все границы.

Марк молчит, делает затяжку, потом кивает, будто фиксирует это внутри себя.

— Хорошо, что я оказался рядом. А если в следующий раз меня не будет, тогда что? — говорит он, стряхивая пепел. — Мне кажется, тебе нужна другая работа.

— Пока у меня нет выбора. Я живу одна и не могу уйти отсюда. Здесь удобный график и платят неплохо.

Он задерживает задумчивый взгляд где-то выше моей головы, выдыхает дым, медленно гасит сигарету и неожиданно говорит:

— Вообще-то я могу предложить тебе неплохой вариант, если ты позволишь.

Я настораживаюсь, плечи невольно напрягаются, но я молчу, ожидая продолжения.

— У родителей своё рекламное агентство. Есть свободная вакансия. Ничего сложного: пара звонков, немного переписки. Можешь работать из дома или приезжать в офис — как удобнее. Работа не конфликтная, сидячая, и платят нормально.

Это очень хорошее предложение, но я категорично отвечаю, почти не давая себе времени на раздумья.

— Я не хочу быть тебе обязанной, Марк. Ты и так сделал для меня очень много.

Он открывает дверь, жестом приглашая сесть, потом обходит машину и занимает место водителя.

— Брось, Эми. Ты мне ничего не должна. — Поворачивая в сторону дома говорит он. — И, если честно, Алик бы обрадовался. Ему не нравится, что ты работаешь официанткой, но он старается не лезть.

Я невольно улыбаюсь, качаю головой — Алик, который вечно во всё вмешивается, и вдруг такая сдержанность.

— Ого, вот это прогресс. Никогда бы не подумала, что Алик способен на такие уступки.

— Он просто переживает по-своему. Делает вид, что всё под контролем, даже когда совсем не так.

Мы едем молча пару минут. За окном тянутся знакомые улицы, ночь уже накрывает город, фонари загораются один за другим. Я смотрю вперёд и прокручиваю его слова снова и снова.

— Я подумаю, — говорю наконец. — Не обещаю, но... подумаю.

— Этого достаточно, — кивает Марк, окинув меня взглядом, — я никуда не тороплю. Думай сколько нужно.

Всю оставшуюся дорогу я обдумываю предложение Марка. Слова крутятся в голове, сталкиваются с сомнениями, но ни одно из них не вызывает отторжения. Скорее наоборот, идея с новой работой мне всё больше начинает нравится.

Когда он останавливается у подъезда, я тянусь к ручке двери, но никак не могу заставить себя выйти. Будто если

я сейчас выйду, и он уедет, то всё повторится. Тот мужчина, его руки, его голос. Или что-то ещё, чего я боюсь даже представить. Я сама не понимаю, чего боюсь. Может быть, это просто накрыла усталость вперемешку с нервами. Но дышать становится трудно.

Марк выходит первым. Я отстёгиваю ремень и чувствую, как глаза становятся влажными — от этого необъяснимого, дурацкого страха. Пытаюсь отвлечься, чтобы не расплакаться. Делаю вид, что ищу ключи в сумке и вдруг слышу, как открывается моя дверь.

— Эми, — тихо зовёт он и я поднимаю голову.

Поднимаю голову. Он стоит в проёме, склоняется ко мне, протягивает руку — ладонью вверх и говорит:

— Иди сюда.

Вкладываю свои пальцы в его, и он нежно сжимает их, вытягивая меня из машины. А в следующее мгновение притягивает меня заключая в объятия — крепко, бережно. И я ни на секунду не сопротивляюсь — только сильнее обхватываю его в ответ. Лоб утыкается в грудь, пальцы непроизвольно сжимаются на его футболке, будто боятся, что он исчезнет, если я ослаблю хватку.

Я не знаю, сколько мы так стоим. Секунду. Минуту. Вечность. Его руки всё ещё держат меня, успокаивающе поглаживая по спине. И только сейчас я понимаю, как сильно мне было нужно это объятие. Как я боялась попросить, как не решалась сделать первый шаг. А он просто взял и обнял. Будто

знал, что мне это необходимо.

— Спасибо, — шепчу я, не поднимая головы.

Он ничего не отвечает, только чуть крепче сжимает плечи.

— Я согласна, — поднимаю голову и смотрю ему в глаза.

— Насчёт работы.

Он вглядывается в моё лицо, будто хочет убедиться, что я не передумаю через минуту.

— Долго не думала, — добавляю я, и уголки губ невольно поднимаются.

— Я очень рад, — говорит он мягко. — Тебе там понравится.

Он чуть отстраняется, но одна рука всё ещё держит меня под лопаткой, словно он тоже не хочет расставаться.

— Тогда завтра позвоню, скажу, во сколько и куда подойти.

Мы всё ещё стоим слишком близко. Я чувствую его дыхание, вижу каждую ресницу, глаза, которые с каждой секундой становятся темнее. Он смотрит на меня — долго, пристально, будто пытается прочитать что-то в моём лице. Я снова дрожу, только теперь не от страха, а от какого-то нового чувства, которое я ещё не успела понять. Марк медленно наклоняется, его рука спускается ниже, на поясницу, притягивая меня ближе. Между нашими губами остаются считанные сантиметры. Как вдруг, звонок телефона разрывает этот момент на части, возвращая нас в реальность.

Я дёргаюсь, хватаю телефон, но пальцы скользят — он вылетает из рук. Я ловлю его на лету, а следом, задев сумку, на асфальт со звоном падает ключ. Мы оба наклоняемся одновременно и с глухим стуком сталкиваемся лбами.

— Чёрт, — бормочет Марк, потирая лоб. — Извини.

— Нет, это я... — я тоже тру ушибленное место и поднимаю ключ.

— Ладно, — говорит он, поднимаясь, и мы оба отводим взгляды. — Позвоню завтра.

— Да, конечно, — киваю я, поправляя лямку сумки. — Увидимся.

Я разворачиваюсь и иду к подъезду, чувствуя, как горят щёки. Только когда дверь за мной закрывается, достаю телефон. Мама звонит снова. Я отвечаю:

— Всё хорошо, мам. Я уже почти дома. Перезвоню через минуту.

Сбрасываю звонок, остаиваюсь посреди лестничной клетки и закрываю глаза, прислушиваясь к своему дыханию. Сердце колотится так, будто я только что бежала марафон. А в голове крутится только один вопрос, что это сейчас было?

Глава 7

Будильник привычно звенит, напоминая о себе, вместе с первыми лучами солнца, которые пробиваются сквозь щель в шторах. Я ещё не открыла глаза, но уже чувствую — на губах улыбка. Глупая, ничем не спровоцированная, но она есть. И вместе с ней в голове вчерашний вечер. Его голос, его пальцы на моей пояснице, его дыхание у моего виска. То, как он смотрел на меня томным взглядом.

Я переворачиваюсь на бок, зарываюсь лицом в подушку и позволяю себе ещё немного побыть там. В том мгновении, когда мир сузился до нас двоих. Когда всё остальное перестало существовать.

Тянусь к телефону. Я знаю, что он ещё не звонил, но обещал напомнить о себе. И я буду ждать — с улыбкой, которая, кажется, приклеилась к губам. Заставляю себя встать, сварить кофе, привести мысли в порядок. Делаю глоток бодрящего напитка и вдруг ловлю себя на внезапном импульсе: хочется с кем-то поделиться этим хорошим настроением. Набираю Алика.

— Ты чего в такую рань? — голос сонный, с хрипотцой.

— Доброе утро, — улыбаюсь в трубку. — Просто настроение хорошее.

— С чего бы?

— Не поверишь, — тяну я, будто дразню. — Кажется, я

нашла новую работу.

— Хвала небесам! — оживляется он. — Наконец-то мои молитвы услышали. Надеюсь, это что-то получше, чем разносить еду до ночи?

— Есть немного, — усмехаюсь я. — Плавающий график, офис. Ничего экстремального.

— Уже звучит подозрительно нормально. И где ты такое откопала?

— Через знакомых, — отвечаю я, не вдаваясь в подробности. — Просто вовремя вариант подоспел.

— Знакомых? — он замолкает на секунду. — Я кого-то не знаю из твоих друзей?

— Ты много кого не знаешь, — отмахиваюсь я. — Успокойся. Он хороший друг.

— Значит, он? — Алик тянет подозрительно, и я ладонью бью себя по лбу. Чуть не прокололась.

— Ладно, не буду тебя смущать. Сама расскажешь, если захочешь, — неожиданно сдаётся он, и я безумно благодарна, что он не начал задавать неудобные вопросы. — Если тебе там комфортнее — я спокоен. Ты у меня умная, сама разберёшься.

— Спасибо, — с облегчением выдыхаю и делаю глоток кофе.

— У меня, кстати, тоже новости, — вдруг добавляет он, и в голосе появляется знакомая, чуть взволнованная нотка.

— Какие?

— Свадьба через два месяца. Как и планировали.

Я даже останавливаюсь посреди комнаты.

— Подожди... как так быстро? — смеюсь. — Вы вообще, когда всё успели?

— Да там Леся половину подготовила ещё до того, как родителям сказала. Где-то знакомые помогли, где-то связи сработали. Ты же знаешь, она если загорится — её не остановить.

— Получается, мне пора искать платье и подарок, — говорю, уже мысленно перебирая варианты.

— Ага. И про девичник не забудь, — добавляет он с усмешкой. — Если что — я тебе этого не говорил. Подружки Леси там уже что-то мутят.

— Принято. Буду делать вид, что ничего не знаю.

Мы ещё пару минут болтаем о мелочах — датах, гостях, каких-то бытовых вещах. Голоса тихо переплетаются с утренним светом, что пробивается сквозь окно, и всё кажется легким, размеренным и вчерашнее происшествие в кафе совсем не всплывает в моей голове.

После разговора с Аликом, я сразу принялась собираться на работу. Белый сарафан струится по телу, лёгкий и почти прозрачный на солнце. Босоножки щёлкают по паркету, эхо отзывается тихим стуком по всей квартире. Волосы закалываю крабиком, делаю лёгкий макияж. Почему-то сегодня хочется выглядеть по-особенному красивой.

Кафе встречает привычным звоном колокольчика и запа-

хом кофе. За небольшой срок все здесь стало знакомым до мелочей — столы, стойка, даже скрип половиц под ногами. И от этого даже грустно расставаться с этим местом.

Я подхожу к администратору, пока в зале затишье. Она протирает стойку и поднимает на меня взгляд.

— Марина, можно с вами поговорить?

Она поворачивается ко мне.

— Я, наверное, уйду, — говорю я, стараясь улыбнуться. — Предложили работу в офисе. График лучше, зарплата выше. Не могу отказаться.

— Понимаю. Ты хорошая девочка, Эми. Здесь тебе и правда не место — вечно переработки, люди сложные...

К разговору тут же подключается Алиса, которая тут же откладывает бокал, вытирает руки о фартук и смотрит на меня с нескрываемым ужасом.

— Ты серьёзно? — её голос взлетает на полтона. — А я без тебя? Ты же моя подстраховка!

— Всё будет хорошо, — я обнимаю её, чувствуя, как она удивляется от неожиданности. — Ты справишься. Даже без меня.

В течение дня всё идёт своим чередом. Я принимаю заказы, улыбаюсь гостям, ловлю последние привычные моменты — будто складываю их в память. И где-то между подносами и шумом зала телефон вибрирует в кармане. Марк.

— Привет, — говорит он деловым тоном. — Я уточнил. В любой свой выходной можешь подойти ко мне в офис: всё

покажу, расскажу. А после того, как отработаешь в кафе, сможешь приступить к стажировке.

— Хорошо. Спасибо. Тогда напишу, когда буду свободна.

— Договорились.

Я отключаюсь и чувствую странную пустоту в груди. Слишком официально. Слишком сухо. Как будто вчерашнего вечера не было вовсе. Но я слышала — он колебался перед последним «договорились». Словно что-то хотел добавить, но не решился. Как будто он стёр из памяти тот момент, когда наши губы почти сомкнулись. Может, он понял: всё, что случилось вчера, чуть не стало ошибкой? Что ж. Тогда мне тоже остаётся делать вид, что ничего не произошло.

По пути домой, в один из вечеров, я достаю телефон и пишу Марку о своём выходном. Ответ приходит почти сразу. Лаконичное «Привет», затем время и адрес офиса.

В назначенный день я выхожу из дома раньше, чем нужно. И, сама не знаю почему, выбираю одежду внимательнее обычного — не нарядную, не вызывающую, а строгую и аккуратную. Лёгкая трикотажная майка, чёрные классические брюки и чёрные лоферы. Волосы собираю, но оставляю пару прядей у лица. На ресницы — немного туши, на губы — прозрачный блеск. Мне хочется выглядеть собой — и одновременно чуть лучше, чем обычно.

Здание оказалось в старом центре — трёхэтажное, с аккуратным фасадом из светлого кирпича. Я толкнула тяжёлую дубовую дверь и попала в прохладный холл с высокими по-

толками и белыми стенами. Пахло кофе, деревом и чем-то сладким. Девушка на ресепшене улыбнулась и махнула рукой в сторону лестницы.

Второй этаж меня встретил большими окнами, из которых льется мягкий дневной свет, освещающий живые растения в горшках. Здесь всё дышало спокойствием и размеренностью — не то, что моё привычное шумное кафе. Я сделала несколько шагов и увидела его.

Он выходил из кабинета, а я только что собралась туда войти — и мы почти столкнулись в дверях. Марк был в чёрных брюках и белой рубашке, заправленной идеально, без единой складки. Я заметила, как широки его плечи, как ровно он держит спину и впервые видела его таким — собранным, деловым, даже немного отстранённым. Но когда он заметил меня, наши взгляды встретились, отстранённость исчезла.

— Ну что, добро пожаловать в нашу скромную обитель, — улыбнулся Марк. — Пойдём, покажу, где тебе предстоит трудиться.

Он не спеша провёл меня по зданию, останавливаясь у каждой важной точки. Я слушала и замечала, как он внимателен: поправил стул, который стоял на пути, придержал дверь, когда мы проходили в узкий коридор. На первом этаже мы заглянули в кафетерий — и я сразу поняла, что его здесь уважают. Сотрудники здоровались с ним с лёгкой, искренней теплотой. А он, в свою очередь, отвечал сдержанно,

без тени высокомерия.

Когда мы снова поднялись на второй этаж и зашли в его кабинет, я на секунду замерла. Пространство оказалось выдержано в тёмных, тёплых тонах: дерево, большое панорамное окно, массивный стол с мягкими креслами, аккуратный диван у стены. Внизу шумел город, а здесь было тихо, почти камерно. Мы остановились у окна, и я почувствовала, как это место пропитано его спокойствием.

— Если что-то не понравится — скажи, — говорит он за моей спиной. — Это важно.

Я смотрю на наши отражения в стекле. Важно не только место. Важно то, как он это говорит — без давления, с заботой. И это цепляет сильнее всего. Не работа, не офис, а то, что ему не всё равно, как я здесь буду себя чувствовать. Это забота другого рода — не та, к которой я привыкла от родителей или от Алика. Не опека, не контроль. Что-то более тонкое.

— Мне нравится, — отвечаю честно. — Правда.

— Отлично, — он кивает, останавливаясь рядом со мной. — Тогда начнём со следующей недели. Первые дни нагружать не будем, потихоньку втянешься.

— Я уже уволилась из кафе, так что в любом случае я согласна.

— Хм, вот как. Тогда договорились, — с лёгкой улыбкой добавляет он. — Уверен, тебе у нас понравится.

Мы выходим из кабинета — Марк закрывает дверь, и мы

направляемся в сторону лестницы, чтобы спуститься на первый этаж. В коридоре кто-то проходит мимо, здоровается с ним, бросает на меня быстрый любопытный взгляд. И мне почему-то становится не уютно.

— Хочешь кофе? Здесь варят сносный. — Говорит он, оборачиваясь на меня. — Отец никогда не экономит на сотрудниках.

— Я настоящий кофеман, меня сложно удивить. Но теперь твоя очередь — удивлять. Так что... да.

Пока он занимается кофе, я делаю вид, что рассматриваю интерьер, но взгляд всё равно цепляется за людей. В офисе в основном женщины — уверенные, ухоженные, в дорогих блузках, с ровной осанкой и каблуками, будто это не рабочий день, а показ. Они смеются негромко, переговариваются между собой, и несколько раз я замечаю, что они смотрят на меня.

Марк возвращается, протягивает мне чашку и спрашивает:

— Кажется, ты любишь латте?

Я принимаю её — наши пальцы на секунду соприкасаются, и внутри снова вспыхивает волнение, о котором я запретила себе даже думать.

— Да, спасибо, — улыбаюсь я.

Он улыбается в ответ — чуть загадочной улыбкой, словно угадал что-то важное. И в этот момент одна из сотрудниц подходит к Марку. Высокая, светловолосая, в строгом

платье, которое сидит на ней как влитое. Она наклоняется к нему слишком близко — ровно настолько, чтобы нельзя было назвать нарушением границ, но достаточно, чтобы я поняла: она не обычный рядовой сотрудник.

— Марк Анатольевич, вы не забыли про встречу после обеда? — спрашивает она, легко касаясь его предплечья. — Я напомнить пришла.

Он поворачивается к ней, кивает.

— Нет, всё в силе. Спасибо.

Она улыбается какой-то искусственной натянутой улыбкой. Потом переводит взгляд на меня, и в её глазах мелькает быстрый оценивающий интерес.

— А это...?

— Эмилия, — отвечает Марк за меня. — Наша новая сотрудница.

— О, — тянет она. — Приятно познакомиться, Екатерина. Правая рука Марка Анатольевича.

— Взаимно, — выдавливаю я вежливую улыбку, чувствуя в её тоне лёгкое превосходство.

Она разворачивается и уходит, покачивая бёдрами — намеренно, вызывающе. Я задерживаю взгляд на ней на секунду дольше, и вдруг она резко оборачивается через плечо. Глаза сужены, губы поджаты — кажется, мы с ней не подружимся.

— Всё в порядке? — спрашивает Марк, видимо замечая моё замешательство.

— Да, — я отвожу взгляд, разглаживая невидимые складки на брюках. — Просто столько всего нового. Пытаюсь запомнить.

— Ничего, привыкнешь. У нас не так страшно, как кажется. И если что — я рядом.

«Я рядом». Всего два слова, а как много они значат. Я поднимаю голову и смотрю в его глаза. И вдруг вижу там привычного Марка, который прыгал со мной в реку, провожал до дома и обнимал у подъезда. И от этого слова перестают быть просто фразой. Они становятся обещанием.

— Ну что, вопросы остались? — он откидывается на спинку кресла. — По работе, по графику, по чему угодно.

— Нет, — я заправляю прядь за ухо. — Всё ясно. Спасибо. Я поднимаюсь, закидываю сумку на плечо, чуть замаявшись, бросаю:

— Если это всё... тогда я пойду?

— Домой? — спрашивает он, как будто, между прочим.

— Не совсем, — я опускаю глаза и чуть улыбаюсь. — Хотела в торговый центр заехать. Платье на свадьбу посмотреть и, кажется, нужно пару новых вещей для офиса, — тереблю ремешок сумки. — А то я тут явно выбиваюсь из общего фона.

— Даже не думай так. И вообще, забей на них. Они каждое утро как на подиум выходят — шпильки, платья, тональник слоями. А к вечеру стонут, что ноги не чувствуют. Я это уже наизусть знаю.

Я смеюсь — по-настоящему, впервые за сегодня. Напряжение, которое появилось раньше, будто понемногу отпускает.

— Значит, можно без шпилек?

— Нужно без шпилек, — кивает он. — Мне важнее, чтобы ты работала в своё удовольствие, а не мучилась

У выхода он останавливается, засовывает руки в карманы.

— Напиши, как доберёшься, — говорит он почти небрежно, будто это обычная формальность.

— Хорошо, — выпаливаю я слишком быстро и тут же улыбаюсь, чтобы скрыть смущение.

Брожу по пустеющему торговому центру почти до закрытия. Примеряю блузки — прикладываю к себе, смотрю, как ложится ткань, как свет играет на молочном и тёмном оттенках. Юбка и простое платье висят на плечиках, пока я кружусь перед зеркалом. Лоферы подойдут ко всему, но для особых случаев беру балетки — уступка практичности ради настроения. Платье на свадьбу — до следующей зарплаты. Не всё сразу.

Захожу в квартиру, оставляю пакеты в комнате. На часах почти одиннадцать. Плетусь на кухню, ставлю чайник, опускаюсь на стул и бессмысленно листаю ленту новостей. Всплывает сообщение.

Марк: *«Ты уже дома?»*

Точно, я же обещала написать сама. И благополучно забыла.

Я: *«Дома. Минут десять как пришла.»*

Марк: *«Нашла что искала?»*

Я смотрю на пакеты у стены и думаю, сколько именно стоит ему рассказывать.

Я: *«Не особо, но подобрала пару вещей для работы, потом увидишь.»*

Марк: *«Так не честно. Хочу увидеть тебя сейчас.»*

Смотрю на экран ещё раз — мне не показалось? Внутри всё переворачивается, мысли путаются. Пока пытаюсь придумать хоть что-то внятное — приходит новое сообщение.

Марк: *«Ладно, уточню: увидеть покупки. Хотя второй вариант мне тоже нравится.»*

От этого ни капли не легче. Он только что подтвердил: мне не показалось. Ладно. Пусть теперь подождёт. Я не собираюсь сдаваться так быстро.

Я: *«Терпение — полезный навык для начальства.»*

Марк: *«Это уже служебное издевательство.»*

Я: *«Увидишь на работе. Эффект будет сильнее.»*

Несколько секунд тишины. Я уже откладываю телефон, когда экран снова загорается.

Марк: *«Ладно, пусть будет сюрприз. Но предупреждаю — я буду ждать.»*

Я улыбаюсь сама себе, глядя на эти слова. Время уже позднее, глаза слипаются, и голова не работает.

Я: *«Спокойной ночи, Марк.»*

Марк: *«Спокойной ночи, Эми.»*

Я кладу телефон рядом с подушкой и выключаю свет. В голове крутится его голос, его взгляд, эта короткая переписка — ничего особенного и в то же время слишком много для одного вечера.

Интересно, а вдруг в этот самый момент он тоже не спит — лежит в темноте и думает обо мне? И с этой мыслью я засыпаю.

Глава 8

Марк

Комната погружена в полумрак, город за окнами уже стихает, а у меня в голове — наоборот, слишком шумно. Я лежу, закинув руку за голову, и снова и снова прокручиваю наш короткий диалог. Ничего особенного. Пара сообщений. Лёгкий флирт — если вообще можно так назвать.

«Хочу увидеть тебя сейчас».

Я морщусь и переворачиваюсь на бок. Зачем я это написал? Глупо. Слишком прямо. Слишком... не мой стиль. Я из всех сил пытаюсь держать дистанцию, не лезть в её пространство, не пугать. Но почему-то с Эми мне безумно тяжело сдерживать себя и свои эмоции. Она выбивает меня из привычного ритма, где я всегда всё контролирую.

Я чуть не поцеловал её. Нас вовремя оборвал её телефонный звонок. А вдруг это была всего лишь минута её слабости? Минута смятения, когда она хотела почувствовать что-то, кроме пустоты и страха? Может, ей просто нужна была опора, а я оказался рядом — и только.

Закрываю глаза — и передо мной её лицо. Робкий взгляд, с едва уловимой заминкой, когда она поняла, что я рядом. Дыхание, которое сбилось, едва я наклонился. И губы, чуть приоткрывшиеся на вдохе. Но разве я могу быть уверен, что это не моё желание придумало все эти знаки? Что если я про-

сто вижу то, что хочу увидеть, а на самом деле для неё я — друг её брата, не больше?

С этими мыслями я засыпаю и просыпаюсь от солнечного света — он просачивается сквозь неплотно сомкнутые шторы. Сажусь на кровати, осматриваюсь. Белые стены, серая мебель, ничего лишнего. Идеальная чистота, почти стерильная. Домработница приходит три раза в неделю и, кажется, вычищает не только квартиру, но и любые следы моей жизни. В шкафу — ровные ряды свежeweыглаженных рубашек. Выбираю белую, самую обычную. Надеваю, смотрю в зеркало — привычный образ человека, который выжимает из суток максимум, забывая про усталость.

Лифт бесшумно спускает меня на подземную парковку. Машина встречает знакомым холодом металла и кожаного салона. Я нажимаю на педаль газа и выезжаю в утренний поток.

Пробки — неизбежная часть утра. Я заезжаю в ресторан быстрого обслуживания, беру кофе и сэндвич навынос. Первый глоток бодрит, возвращает в реальность. Рабочий день начинается. И всё бы ничего, если бы между мыслями о встречах и задачах снова и снова не проскальзывало одно имя. Эми.

Всю эту неделю я будто жил с внутренним отсчётом. Не по календарю — по ощущению. Считал дни до того момента, когда она наконец выйдет на работу, когда её присутствие станет частью моего обычного утра.

Я писал ей почти каждый день. Формально — по делу. Сначала попросил паспортные данные, чтобы подготовить документы. Потом уточнил, в какие дни и смены она учится — «чтобы график был удобным». Спросил, нет ли у неё аллергии, когда заметил цветы возле её будущего стола и вдруг поймал себя на том, что не хочу, чтобы ей было некомфортно даже в мелочах.

Иногда сообщения были совсем пустяковые — что-то уточнить, что-то напомнить, что-то «случайно» спросить. Но на самом деле мне просто нужно было знать, как у неё дела. Получить короткий ответ. Убедиться, что с ней все в порядке.

Работа спасала от этого безумия. Я с головой уходил в совещания, цифры, отчёты, переговоры — лишь бы неделя пролетела быстрее.

Из раздумий меня выдёргивает короткий стук. Не дожидаясь моего ответа, в проёме появляется Екатерина.

— Марк Анатольевич, — говорит она и заходит в кабинет так, будто я её сюда приглашал. Внутри вспыхивает раздражение от её самоуверенности, но я молча откладываю ручку и смотрю на неё выжидающе.

Она медленно, с покачиванием бёдер, движется к креслу. Устраивается напротив, на краешке кресла, закинула ногу на ногу. Юбка ползёт вверх настолько высоко, чтобы это «случайно» бросилось в глаза.

— По новенькой, — бросает она небрежно, будто мы ста-

рые приятели, а не начальник и подчиненная. — Компьютер ещё не привезли. Поставщики сказали, завтра к обеду.

— Её зовут Эмилия, — напоминаю ей, достаточно жёстко, чтобы интонация не оставляла пространства для вольностей.

Екатерина теряет на долю секунды. Улыбка на лице остаётся, но становится чуть напряженнее — профессиональной, отработанной.

— Конечно, — тянет она. — Я просто хотела...

— В любом случае, — продолжаю я, не давая ей закончить, — завтра ты будешь её стажировать. Так что поработаете пока за твоим. И если у неё будут какие-то вопросы, отправишь ко мне.

Она явно не ожидала такой, резкости с моей стороны. Ведь я обычно мягок и добр с сотрудниками, и вывести меня из себя почти невозможно.

— Хорошо. — Она моргает. Два раза. — Поняла.

И сидит. Как вкопанная. Даже пальцы на столе замерли.

— Что-то ещё? — мой голос возвращает её в реальность.

— Эмм... — Она мнётся. — Нет. Извините, что побеспокоила.

Я киваю, давая понять, что разговор закончен. Екатерина выходит, дверь за ней закрывается почти бесшумно. И не понимаю, когда Катя стала такой занозой в заднице. Её флирт — не проблема. Цирк, который она периодически устраивала, — да. И я слишком долго делал вид, что не замечаю. Сегодня просто пришло время напомнить, что я её работода-

тель. Для неё это неожиданно — стажировка давно не входит в её обязанности. Но она хороший сотрудник: умная, цепкая, собранная. Когда-то она начинала здесь точно так же, с нуля, с чужого компьютера и неловких вопросов. Как и Эмилия сейчас.

Начало следующего дня выдалось на редкость нервным.

Я приехал почти на сорок минут раньше обычного — просто чтобы не допустить мысли, что Эми может появиться раньше меня. Глупо, но иначе не получалось. Выпил одну чашку кофе, потом вторую — без особого вкуса, скорее по инерции. Сердце всё равно билось чуть быстрее, чем нужно.

Мысль упорно возвращалась к тому сообщению. Прошла целая неделя. За это время оно могло потерять значение, стертая, показаться неловким или слишком смелым. А может, она вообще не придала ему никакого значения. Или, наоборот, придала — и сделала выводы, которые мне не понравятся.

Я смотрю на часы, потом на дверь, снова на экран телефона, который так и не загорается. И впервые за долгое время честно признаю себе: я волнуюсь. Не из-за работы, не из-за сроков и договоров — из-за человека. И это чувство выбивает из привычной колеи сильнее, чем я готов признать.

Сажусь за стол, открываю ноутбук, делаю вид, что погружаюсь в работу, но внимание всё равно ускользает. Я прислушиваюсь к каждому звуку за дверью, к шагам в коридоре,

к лифту. И ловлю себя на странной мысли: я не помню, когда в последний раз так ждал начало рабочего дня. И именно в этот момент дверь кабинета открывается.

Я поднимаю взгляд, ожидая увидеть кого угодно — секретаря, кого-то из сотрудников, но точно не его. На пороге стоит отец.

Это настолько неожиданно, что я даже не сразу встаю. Он уже давно передал мне все дела этого филиала и появляется здесь только на редкие важные совещания. Увидеть его рано утром, без предупреждения, — почти невозможно.

— Ты что-то рано, — говорит он, оглядывая кабинет, будто проверяя, всё ли на своих местах.

— А ты — тем более, — отвечаю я, поднимаясь. — Что-то случилось?

Он усмехается краем губ, проходит внутрь и закрывает за собой дверь.

— Ничего срочного. Просто решил заехать. Проверить как ты тут?

Я киваю, но напряжение внутри не спадает. Вряд ли он приехал просто так. Отец никогда ничего не делает просто так. И почему-то именно сегодня, из всех возможных дней, он решил появиться здесь.

— У меня всё в порядке. В фирме тоже. Так что рассказывай, пап. Ты ведь не просто так приехал.

Он стоит у двери, не проходя дальше, словно всё ещё сомневается, стоит ли начинать. Для человека, который обыч-

но привык решать вопросы быстро и жёстко, эта пауза выглядит непривычно.

— Мы с матерью улетаем в Германию через два часа, — говорит он, убирая руки за спину. — Перед отъездом хотел поговорить с тобой. Про новый филиал.

Я ждал этого разговора, просто не сегодня и уж точно не в семь утра.

— Помню, — я обхожу стол и останавливаюсь у окна, скрестив руки на груди. — Мы обсуждали это на прошлом совещании.

Мы никогда не стремились к громкому имени. Никаких кричащих слоганов, показной роскоши, агрессивного роста. Мы шли медленно, аккуратно, нарабатывая репутацию не обещаниями, а результатом. И именно поэтому расширение происходило не скачками, а шаг за шагом.

Четыре офиса в разных концах страны. Этот — один из ключевых. Здесь сходятся решения, здесь принимаются основные направления. Отец когда-то начинал всё с нуля, а теперь почти полностью передал управление мне, оставив за собой роль наблюдателя и советника. И я знал: если он приехал лично, значит, вопрос действительно важный.

Он делает шаг вперёд, осматривается, будто впервые видит этот кабинет.

— Я вижу, ты хорошо справляешься. Именно поэтому, я хочу, чтобы новый филиал тоже был под твоим контролем. Хотя бы на старте.

Мысль о том, что отец предлагает мне с нуля выстроить целый филиал, льстит — я не могу этого отрицать. В груди даже на секунду поднимается гордость. Но вместе с ней приходит и другое чувство — тяжёлое, упрямое нежелание. И дело вовсе не в том, что я боюсь перемен или слишком привязан к этому городу. Просто здесь, именно сейчас, во мне начинает формироваться что-то важное. Хрупкое. То, что я пока даже не готов назвать, но уже точно не хочу терять.

— Пап, — говорю я после паузы, подбирая слова осторожно, — спасибо за доверие. Правда. Но я не уверен, что справлюсь.

Он смотрит внимательно, не перебивая.

— Когда ты посадил меня сюда, — продолжаю я, — всё уже было выстроено. Система работала, команда была собрана. И ты всегда был рядом — если что-то шло не так.

— Мы с мамой уверены, что ты готов, — отвечает он, усаживаясь в кресло. — Это было общее решение.

Я невольно улыбаюсь. Мама очень редко появляется в офисах, но при этом знает о делах агентства больше, чем многие руководители. Они с отцом всегда действовали как команда — слаженно, дополняя друг друга.

— Пока подумай. У тебя есть три месяца. В здании ещё идёт ремонт, время есть. Мы с мамой улетаем в тур по Европе, когда вернёмся, пока сами не знаем.

Я киваю. Три месяца — это много и одновременно слишком мало, чтобы разобраться не только с рабочими планами,

но и с тем, что происходит внутри меня.

В дверь стучат.

— Войдите, — отзываюсь я, всё ещё мыслями наполовину в разговоре с отцом.

В проёме появляется Екатерина.

— Марк Анатольевич, — говорит она деловым тоном, — Эмилия пришла.

Я на мгновение внутренне напрягаюсь, затем выдыхаю и киваю.

— Пусть войдёт.

Отец бросает на меня вопросительный взгляд — он явно не понимает, о ком речь. Но объяснять не успеваю. Он смотрит на дверь сдвинув брови, а потом искренне улыбается, увидев на пороге знакомое лицо.

— Эмилия? — удивлённо говорит он. — Вот уж кого не ожидал здесь увидеть. Каким ветром?

— Доброе утро, дядя Толь, — отвечает она по-домашнему легко.

— Эми — наш новый сотрудник, — говорю я сухо, стараюсь не выдать волнения. — В отдел по работе с клиентами.

И только тогда я решаюсь взглянуть на неё по-настоящему. Юбка подчёркивает линию бёдер, длина строгая, офисная — ниже колена. Светлая блузка свободно ложится по фигуре, слегка пропуская свет, волосы собраны в высокий хвост, открывая шею. Никакой вычурности, ничего лишнего — и от этого она выглядит ещё более... привлекательной.

И в какой-то момент я теряюсь. Совсем неуместно — как мальчишка, застигнутый врасплох появлением кого-то важного. Отец смотрит на Эми, потом на меня, и в этом взгляде — лёгкое удивление, смешанное с пониманием. Я отвожу глаза первым. Он понял. Или, по крайней мере, догадался о том, о чём я сам себе ещё не признался.

— Ну что ж, — произносит он наконец, легко хлопая ладонями по коленям — не буду вам мешать.

Он встаёт, поправляет пиджак и уже у двери оборачивается ко мне:

— Марк, хорошо подумай о том, о чём мы говорили. Время у тебя есть, но решения сами себя не принимают.

Потом его взгляд смягчается, и он улыбается — уже по-доброму, по-отцовски.

— Хорошего дня вам, ребяташки.

Мы прощаемся с отцом, дверь закрывается и в кабинете на секунду воцаряется тишина, в которой слышно собственное дыхание. Эми стоит у двери, немного неуверенно, будто не до конца понимает, можно ли уже сделать шаг дальше. Я позволяю себе задержать взгляд — слишком явно, слишком долго. Она изменилась за эту неделю. Или мне так кажется. Рабочая одежда делает её удивительно серьёзной — так, что я на мгновение теряю нить обычного диалога.

— Прости, — первым нарушаю тишину. — Утро вышло... неожиданным.

Она улыбается — чуть смущённо, но искренне.

— Я так и поняла. Не каждый день встречаешь начальника всех начальников в первый рабочий день.

— Это точно, — хмыкаю я. — Обычно он появляется куда реже, чем кометы.

Я жестом приглашаю её пройти дальше, к столу.

— Присаживайся. Чувствуй себя... не как на экзамене, — добавляю уже мягче.

Она проходит, садится на край кресла, аккуратно выпрямляя юбку. Я замечаю, как она нервно переплетает пальцы, и это странным образом успокаивает меня самого.

— Как ты? — спрашиваю уже серьёзно. — Ещё не пожалела, что решилась?

Эми поднимает на меня взгляд. В её глазах нет сомнения — только лёгкое волнение.

— Пока нет. Но немного страшно.

— Это нормально. Если станет слишком сложно — скажи. Здесь не принято проверять людей на прочность.

Я выдерживаю короткую паузу, встречаясь с ней взглядом.

— Екатерина сегодня поможет тебе влиться, — продолжаю уже деловым тоном. — Компьютер установят позже, но на первое время хватит и общего.

Я отхожу к окну, будто давая нам обоим немного пространства.

— И ещё, Эми... — начинаю я и на секунду замолкаю, подбирая слова. — Если вдруг будет некомфортно — люди,

график, что угодно, — ты приходишь ко мне. Сразу.

Она встаёт, делает шаг в мою сторону — робкий, почти неуверенный.

— Я запомню, — отвечает она, улыбаясь и чуть поджимая губы. Поднимает на меня свои янтарные глаза.

В этот момент мне снова кажется, что, между нами, слишком мало воздуха. Слишком много того, что не сказано. Но я первым отвожу взгляд.

— Ну... — прочищаю горло. — Добро пожаловать официально.

— Спасибо, — улыбается она смущённо.

Я подхожу к столу, нажимаю кнопку вызова на стационарном телефоне.

— Катя сейчас подойдёт, она покажет тебе всё, что нужно знать. Если что-то понадобится — спрашивай. Любой вопрос, — напоминаю я.

— Хорошо, — кивает Эми.

Катя появляется почти сразу. Собранная, деловая — слишком деловая для той, что ещё недавно сидела на краю кресла с задранной юбкой.

— Эмилия Александровна, пойдёмте, — говорит она с подчёркнутой вежливостью.

Эми бросает на меня короткий взгляд и на прощанье машет своими тоненькими пальчиками. Когда дверь закрывается, я впервые за утро позволяю себе немного прийти в себя. Но день будто специально решает проверить меня на

прочность. Ближе к обеду Катя заходит снова.

— Марк Анатольевич, Эмилия уже разобралась с программой, но есть пара моментов по клиентской базе. Я подумала, вы лучше объясните.

— Хорошо, — киваю. — Пусть зайдёт.

Через пару минут Эми заходит в кабинет. Она выглядит сосредоточенной, чуть уставшей, но глаза горят — с таким интересом, который невозможно сыграть. Я объясняю, показываю на экране, стараясь держать дистанцию. Но в какой-то момент она наклоняется ближе, чтобы рассмотреть цифры — и я чувствую её запах. Лёгкий, ненавязчивый.

— Поняла, — она поворачивается ко мне, открывая глаза от компьютера.

— Ошибки здесь не критичны. Главное — внимательность, — говорю уже строже, возвращая рабочий тон. Я чувствую, как напряжение между нами накаляется. Но мне это всё больше нравится.

— Я постараюсь, — отвечает она и улыбается, не скрывая озадаченность.

Когда она уходит, я понимаю простую вещь: этот день — не про работу. Он про то, как сложно делать вид, что, между нами ничего не происходит.

Вечером офис пустеет постепенно. Сначала стихает гул разговоров, потом хлопают двери кабинетов, и к концу дня остаётся только мягкий свет настольных ламп и несколько усталых голов, которые, кажется, совсем не торопятся до-

мой.

Эми выходит из своего временного рабочего угла последней. Видно, что она устала: движения чуть медленнее, взгляд задумчивый, но на лице — лёгкая, почти незаметная улыбка.

— Первый день пережила, — чуть улыбаюсь я, наклоняя голову. — Думаю, это стоит отметить.

Она удивлённо вскидывает брови.

— Отметить?

— Ничего грандиозного. Ужин. Бокал вина. Ты заслужила.

Эми колеблется всего секунду, потом кивает.

— Ладно. Только недолго, — она устало улыбается, поправляя сумку на плече. — Я правда устала.

Мы едем в небольшой ресторан недалеко от офиса — не пафосный, уютный, с приглушённым светом и успокаивающей музыкой. Заказываем вино, еду. Разговор сначала крутится вокруг работы: Эми рассказывает, как каждый раз боялась нажать не ту кнопку, как Катя, к её удивлению, оказалась не строгой, а очень даже терпеливой. Потом переходим на личное — смешные случаи из студенчества, фильмы, которые мы оба любим, и я замечаю, как легко она смеётся, как задумывается, касаясь бокала кончиками пальцев, и я думаю о том, что хотел бы так проводить с ней каждый вечер.

Мы пьём всего два бокала — я заказываю трезвого водителя, чтобы не думать о машине. В салоне автомобиля Эми оказывается совсем рядом. Пространство узкое, и я чув-

ствую её присутствие слишком отчётливо: тепло её тела, движение воздуха, когда она поворачивается ко мне, чтобы что-то сказать, лёгкий запах вина и её духов.

Я держу руки на коленях, только бы не касаться её. Потому что, если позволю себе — уже не остановлюсь.

На повороте машину слегка заносит. Эми, не отдавая себе отчёта, протягивает ко мне руку, лишь бы за что-то зацепиться. Её пальцы находят мою ладонь. Это касание — короткое, нерешительное. Пальцы слегка сжимаются, будто готовятся выскользнуть. Но я сжимаю её крепче, больше не в силах сохранять эту неприступность. И через секунду её рука расслабляется. Она опускает плечи, переводит дыхание — и больше не пытается сопротивляться.

— Эми... — тихо произношу я, сам не зная, что скажу дальше.

Она поворачивается ко мне. Наши взгляды встречаются — и я понимаю: это не иллюзия. Не выдумка. Всё, что я чувствовал, она тоже чувствовала. Просто молчала так же долго.

— Скажи... — начинаю я и осекаюсь, потому что слова вдруг кажутся слишком сложными. — Скажи, что ты тоже это чувствуешь...

Она не отвечает. Лишь на мгновение опускает взгляд — и её пальцы крепче сжимают мою ладонь, и я принимаю это за подтверждение.

Остаток пути мы едем молча. Её пальцы всё ещё переплетены с моими, и никто из нас не пытается разорвать эту

связь. У её подъезда я выхожу первым, подаю руку, помогая выйти. Она не отпускает мою ладонь — даже когда стоит на асфальте. Смотрит на меня, кусает губу, ветер играет с её волосами. Я чуть наклоняюсь, чтобы убрать выбившуюся прядь волос с её лица. Медленно, осторожно, оставляя ей выбор, она позволяет.

— Марк... — её голос тонкий, почти шёпот, но в нём есть желание, которое дико обжигает. И тогда внутри что-то щёлкает. Все страхи, все сомнения — исчезают. Больше не нужно сдерживаться. Не нужно проверять себя на прочность.

Я тянусь к ней и целую — сначала осторожно, почти бережно, будто каждое прикосновение — маленькая искра. Она останавливается на секунду, а потом тает. Прямо в моих руках. Её губы раскрываются навстречу, и я чувствую, как она приподнимается на носочки, тянется ко мне, будто без этого поцелуя не могла дышать все эти недели. Провожу языком по нижней губе, ощущая её мягкость, её тепло. Чувствую вкус вина — терпкий, чуть горьковатый, — и сладкий цветочный аромат её духов.

В этом поцелуе — все недели ожиданий, все взгляды, от которых мы отводили глаза, и все прикосновения, на которые не решались. Весь мир будто замедляется. Всё, что существует — мы и этот момент.

Я слегка отстраняюсь, чтобы взглянуть на её лицо. Её глаза сияют, губы приподняты в лёгкой улыбке, в которой сразу угадывается симпатия, доверие и... то, что мы давно искали

друг в друге.

— Спокойной ночи, Эми, — говорю хрипло.

— Спокойной, Марк, — отвечает тихо, почти шёпотом.

Я возвращаюсь к машине, медленно открываю дверь. На-
зываю домашний адрес водителю, и свет фар мягко освеща-
ет её силуэт. Она ещё на мгновение смотрит мне вслед, и я
понимаю: я ждал этих прикосновений так долго, но именно
это время было нужно, чтобы они стали не случайностью, а
началом. Началом всего о чём мы и не мечтали.

Глава 9

Эмилия

Я поднимаюсь по лестнице медленно, будто каждый шаг даёт мне время понять, что только что произошло. Ключи звякают в руке слишком громко, сердце — ещё громче.

Поцелуй всё ещё ощущается, даже не на губах, а где-то глубже. В груди. В животе. Как будто поцелуй был не точкой, а теплой волной разлившейся по телу.

Это было не внезапно. И именно это пугает и притягивает больше всего. Мысли сами возвращаются к этому мгновению: его взгляд, пауза перед прикосновением, то, как он ждал моего шага. Не брал — позволял. Не торопил — держал. И от этого внутри что-то необратимо сдвинулось. Я не чувствовала себя «новенькой». Не чувствовала себя девочкой, которая должна быть осторожной. Я чувствовала себя... выбранной.

Снимаю обувь, прохожу в комнату, не включая свет. Сажусь на край кровати и улыбаюсь в темноту — глупо, по-настоящему. Я знаю, что завтра всё будет иначе. Мы снова будем на работе. Будут взгляды, расстояние, границы. И всё же — что-то уже изменилось. Он не поцеловал меня, потому что мог. Он поцеловал меня, потому что ждал, пока я захочу этого поцелуя тоже.

С этой мыслью я проживаю всю ночь — и утро тоже. При-

хожу в офис раньше обычного. Будто если приду первой, у меня будет фора: время привести мысли в порядок, надеть привычную маску спокойствия, убедить себя, что ничего такого не произошло. Что вчера — это просто вечер. Просто поцелуй. Всё так, как должно было быть.

Я утыкаюсь в экран, заставляя себя читать инструкции, разбираться в таблицах, вникать в задачи. Работа — единственное, за что сейчас можно держаться.

Сосредотачивайся, Эми. Ты здесь не ради чувств.

Марка всё ещё не видно, хотя его рабочий день давно начался. И вот тут появляется она — тревога. А вдруг он передумал? Вдруг исчезнет как в прошлый раз? Вдруг решил, что лучше сделать вид, будто ничего не было — чтобы не усложнять?

Я прислушиваюсь к каждому шагу в коридоре. К каждому щелчку двери. Сердце каждый раз на секунду ускоряется — и тут же разочарованно сбавляет темп.

Может, он просто задерживается, — успокаиваю я себя. Он руководитель. У него встречи. У него в конце концов есть жизнь без меня. Сейчас он войдёт — улыбнется, как всегда, — и даст понять, что, между нами, всё в порядке. Но от этого не легче.

Вчерашний поцелуй не был импульсом. Он был слишком осозанным. Слишком желанным. Так не целуют «по ошибке».

Дверь в конце коридора снова открывается. Я не смотрю

сразу. Нарочно. Даю себе ещё пару секунд — сделать вид, что я полностью сосредоточена на работе. Что у меня всё под контролем. И только когда слышу знакомые шаги, позволяю себе вдохнуть глубже.

Пожалуйста, — мелькает мысль, — пусть мне всё не показалось.

Он подходит к моему столу так же, как подходил вчера. Останавливается на вежливой дистанции.

— Как тебе рабочее место? — спрашивает, деловым тоном. — Всё удобно? Стол, свет, компьютер?

Я поднимаю взгляд. Его лицо непроницаемое, без малейшего намёка. Ни тени вчерашней близости. И в этом есть что-то пугающее и обидное одновременно.

— Да, всё хорошо, — отвечаю я так же нейтрально. — Мне нравится. Спасибо.

Он кивает, будто ставит галочку в списке дел.

— Отлично. Если что-то понадобится — скажи Кате или напиши мне на почту.

На почту. Не «подойди». Не «скажи мне». Не «напиши мне чертovo смс». На почту.

— Хорошо, — говорю я и снова опускаю взгляд в монитор.

Он ещё секунду стоит рядом — я чувствую его пронзительный взгляд. Потом разворачивается уходит в свой кабинет, и через минуту прилетает сообщение:

Марк: *«Зайди ко мне, когда будет минута.»*

Ни смайлов. Ни подколов. Официально. Почти холодно.

Сердце начинает биться быстрее. Я перечитываю сообщение ещё раз, будто в нём может появиться что-то новое между строк.

«Когда будет минута.»

Значит — сейчас. Я делаю глубокий вдох, сохраняю файл, аккуратно выравниваю стопку бумаг на столе. Пытаюсь убедить себя принять ситуацию. Поднимаюсь со стула и иду по коридору, чувствуя, как каждый шаг отдаётся где-то под рёбрами. Офис живёт своей обычной жизнью: кто-то смеётся, кто-то спорит у принтера, кто-то говорит по телефону. А у меня внутри — потоп, из непролитых слёз.

Останавливаюсь у двери его кабинета. На секунду задерживаю руку в воздухе и стучу.

— Войдите, — раздаётся изнутри.

Я открываю дверь и захожу. Марк стоит у окна спиной ко мне, смотрит на город, убрав руки в карман.

Сердце бьётся слишком громко — я уверена, он его слышит. Делаю шаг... второй — и в этот момент он оборачивается. На лице — привычная невозмутимость. Но глаза... в них всё, что я надеялась увидеть: трепет, тоска и желание, переплетённое с нежностью.

— Закрой, — говорит он негромко, и это не приказ, скорее просьба.

Я поворачиваю ключ. Щелчок звучит слишком громко — Ты

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.